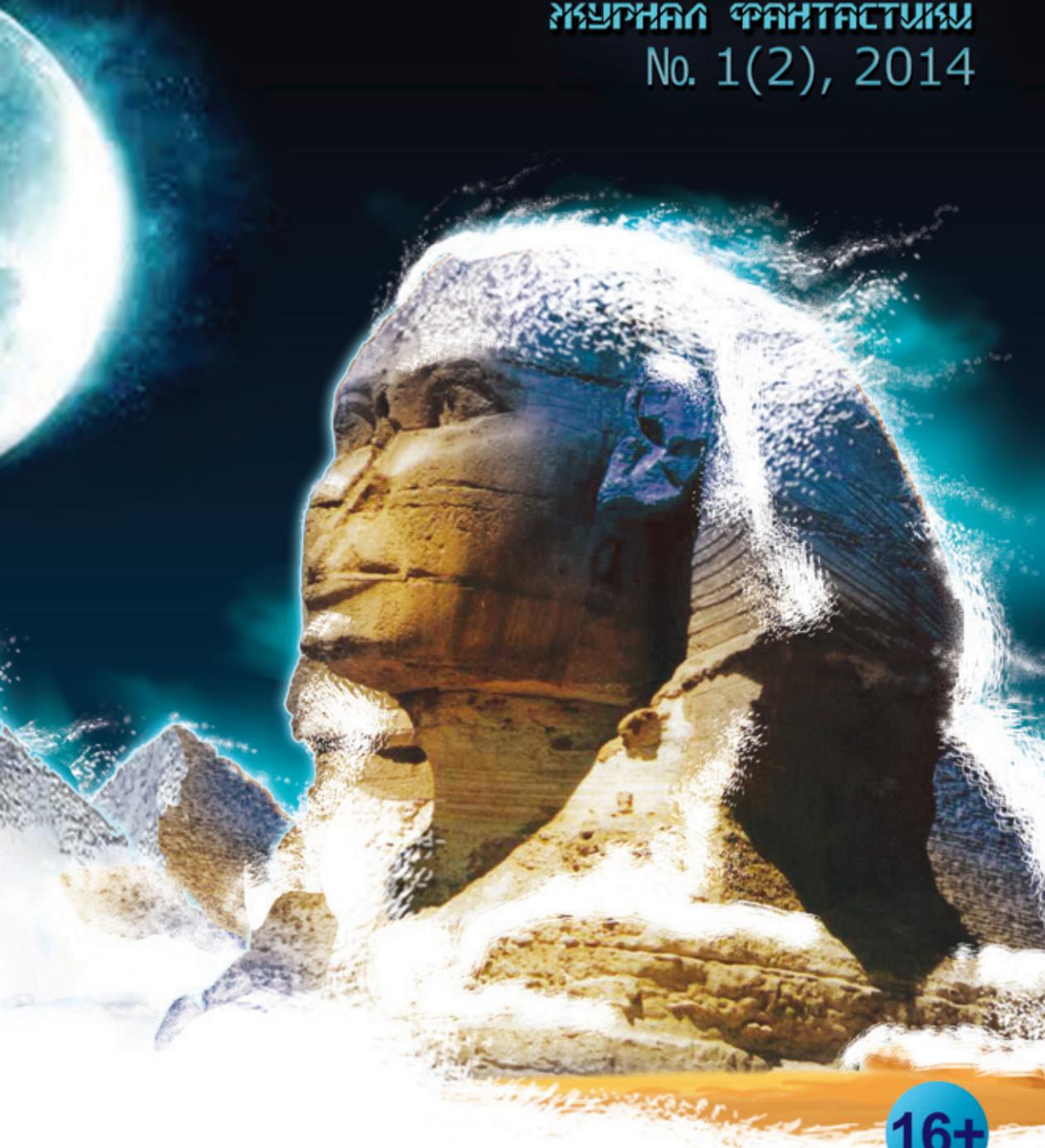

КОСМОНОПТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

No. 1(2), 2014

16+

КОСМОПОРТ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

№ 1(2), 2014

Главный редактор:
Михаил ДЕРЕВЯНКО

Заместитель главного редактора:

Сергей БУЛЬГА

Художники:

Ирина ЛАЗЕРКО,

Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Вёрстка, дизайн:

Наталья КЛЕВЦЕВИЧ

Учредитель и издатель:

Частное торговое унитарное
предприятие «Минар»,
г. Минск, ул. Лобанка, 22 - Н5.
Свидетельство о регистрации
№ 1633 от 20. 06. 2013.
Адрес для переписки: 220082,
РБ, г. Минск, а/я 34. «Космопорт».
Телефон: +375-29-653-22-54.
Эл почта avtor@kosmoport.net
сайт: www.kosmoport.net
Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Подписано в печать:
05. 11. 2013. Формат 70x100/16.
Офсетная печать. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5,16. Заказ № .
Тираж 6000 экз.

Отпечатано в унитарном
полиграфическом предприятии
«Витебская областная типография».
ЛП № 02330/0494165 от 03. 04. 2009 г.
Ул. Щербакова-Набережная, 4,
г. Витебск

Подписные индексы в Беларуси:
для инд. подписчиков - 74892,
для вед. подписчиков - 748922
© Частное предприятие «Минар», 2014

2 **Анна БЖЕЗИНСКАЯ «И ЛЮБИЛ ЕЁ, ХОТЬ ПОМИРАЙ»** — о приворотном зелье высшей пробы

12 **Сергей ЛЕГЕЗА «ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ»** — рассказ о творчестве Анны Бжезинской

14 **Александр ЗМУШКО «ПРИНЦЕССА И ПАСТУХ»** — правдивая история, очень похожая на сказку

16 **Яцек САВАШКЕВИЧ «ТЕЛЕФОН»** — микро-фантастика

17 **Дмитрий ФЕДОТОВ «ОДИН ДЕНЬ ДЕНИСА ИВАНОВИЧА»** — о том, что может скоро ждать всех нас

21 **Владимир ВЕНГЛОВСКИЙ «МЕСЯЦ ВЕТРОВ»** — однажды на горизонте он увидел...

30 **Евгений ДРОЗД «ПРИЗРАКИ ПОДМОСТКОВ»** — театральная легенда наших дней

35 **Клиффорд БОЛЛ «ДУАР ПРОКЛЯТЫЙ»** — героическое фэнтези о достойном сопернике Конана Варвара

47 **Андрей БУДАРОВ «ЗАГАДОЧНЫЙ АДЕПТ МЕЧА И МАГИИ»** — о новом старом авторе

48 **Святослав ЛОГИНОВ «МАСТЕРСКАЯ ИОСИФА»** — к художнику пришёл заказчик...

57 **Оксана ДРЯБИНА и Святослав ЛОГИНОВ «ФЭНТЕЗНЯ ПРОТИВ ФЭНТЕЗИ, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ ШАНС ВЫЖИТЬ»** — диалог с писателем

62 **Педро КАМАЧО «400 ЛЕТ ПЕРВОМУ ПОЛЁТУ НА ЛУНУ»** — что получается, если фантастику читать всерьёз

Анна Бжезинская
...И любил её, хоть
помирай

Из Вильжинской Долины было далеко досюда. Большак обходил её широким крюком, поэтому к цивилизации из неё вели лишь две извилистые, заросшие травой дорожки. Верхняя взбиралась меж тремя нависшими над долиною скалами — Сваей, Дрюком и Монахом — и вела до самого купеческого шляха. Дорожка нижняя неспешно спускалась вдоль Вильжинского Потока и бежала землёю старосты к дальним владениям аббатства. Правда, была ещё и третья дорожка, однако же она вела отнюдь не к цивилизации, а в сторону совершенно противоположную.

Шимек, надобно сказать, никогда не пукался куда глаза глядят ни верхней, ни нижней дорожкой — по крайней мере, дальше границы пастбищ, где выпасались овцы из всех трёх сел Вильжинской Долины. Лишь единожды, неосторожно наслушавшись росказней бродячего монаха, Шимек решил сделаться староштинским дружинником. Мерещилась ему воинская слава, водка в корчмах при тракте и охочие до вояк девки. Из-за таких вот мечтаний однажды, глубокой ночью, он выскользнул из села и погнал вниз берегом Вильжинского Потока. Но ещё и рассвет не наступил, как поймал его пан володарь, пересчитал ребра и, вразумления ради, забил в колодки.

Иди речь о ком другом, наверняка бы пан володарь, человек крайне суровый к беглецам, на колодках бы не остановил-

Анна Бжезинская родилась в 1971 году. Польская писательница-фантаст, трижды лауреат премии имени Януша Зайделя. Подробнее смотрите на стр. 12-13.

ся, однако Шимек и вправду был в Вильжинской Долине персоной важной. Опеке его доверена была дворская свинья, кою он умело приучил к поиску трюфелей. И вскоре стало ясным, что у безрогой упрямыцы будто рога выросли: без Шимека к сотрудничеству не склонялась никак. Разобиженные хавроньи не желали отходить от колодок, а большой рыжий кабан — воjak стада — из чистой злобности поддел на клык любимую хозяйскую гончую. В конце концов, рассерженному пану володарю пришлось парня отпустить.

Так и закончились Шимековы странствия. Время для него тянулось неторопливо, и не столько бежало, сколько ползло — неспешно и с достоинством. Новости в их края не добирались, купцы да разбойники заглядывали в Вильжинскую Долину куда как нечасто. Впрочем, и первым, и вторым нечего было здесь искать. Околица тутошняя была неурожайной, а народец — убогим, спокойным и столь пугливым, что, едва услышав на тракте коней, хватал скарб в охапку и прятался в горах. Особенно осенью, когда объявлялись мытари.

Шимек и сам был пуглив, подобно соседям, и оттого частенько сиживал в компании свиней своих глубоко в лесу. До самой до прошлой недели. Поскольку так уж оно вышло в последнее воскресенье, что когда, вместо того чтоб слушать проповедь, стоял он в компании знакомцев под старой липой и с чувством поплеывал на площадь перед святынькой — вдруг влюбился он в Ярославну, дочку Бетки-мельника. И так влюбился, что хоть помирай.

Было се чувство огромное, объявшее всю Ярославну купно с чудесными её небесными глазками (особенно полюбился ему левый — казалось, тот непрестанно косится в его сторону), четырьмя коровами приданого, пуховой периной, тремя вышитыми подушками, которые Шимек видал в кладовой, и с четырнадцатью моргами землицы, которые однажды должны были перейти Ярославне в наследство. Отца избранницы, Бетку-мельника, объял

Шимек любовью своею чуть более неуверенно, не без причины опасаясь, что глубокое чувство сие может остаться безответным.

Именно поэтому крался он теперь, согбенный, третьей дорожкой к избушке Бабуся Ягодки, кою местные частенько кликали старой паршивой ведьмой. Однако же нынче Шимек усиленно старался об этом её прозвище забыть. Надеюсь также, что Бабуся будет пребывать в приятном к людям, добродушном настроении, он даже хлюпнул носом. А ежели и не будет, подумал, то всё-дно сумеет сбежать. Счастье ещё, что к весне Бабусю крепко скрутила подагра.

Избушка Бабуся, гинекологической знаменитости двух поветов, с виду чрезвычайно подходила профессии владелицы: была запущенной, грязной и воняла козьим дерьмом. Однако же слава хозяйки расходилась куда дальше воних животинки. Селяне шептались, что Бабуся не только тишком верховодит бывальными лиходеями с Перевала Сдохшей Коровы, но порой случается и такое, что посылают за ней дворню и самого пана володаря. И что оно такое в свете сделалось, плевались селяне, глядя на то, как в самый полдень Бабуся Ягодка гордо вышагивает сельской площадью. Было ж время, когда ведьмы знали свое место, только ночью и решались в мир выходить, да и тогда — покорно стоя под воротами, подле виселицы. А теперь?

Криво поглядывали и на милуемого Бабусей козла, поскольку всякому известно, что у ведьм в обычае держать в хозяйстве разнообразных тварей, и, как знать, что там под козлиной шкурой кроется? Селяне не раз на него наседали, но скотинка была сообразительной и скоренько давала дёру. Но никто за ним не гнался, поскольку боялись: Бабуся Ягодка была на удивление быстра разумом и, пожалуй, не слишком то любила обитателей Вильжинской Долины. Разговоры об её каверзах особенно оживали в недород, а поскольку послед-

ние годы были сухими, да ещё и овечий мор лютовал, пан володарь беспокоился всё сильнее.

Правду сказать, подумывал он даже, как бы ту Бабусю Ягодку по-тихому огнём уморить. А поскольку был осторожен, то сперва поговорил с местным настоятелем, который, однако же, его замыслам решительно воспротивился, понимая: так уж повелось испокон веков, что во всякой околице была, есть и должна быть своя ведьма. Кроме того, Бабуся Ягодка скручивала необычайно действенные затычки от геморроя, а недуг этот издавна одолевал почтенного пастыря. Одна мысль, что поразительный секрет сего ремедиума может сгореть вместе с бабкой, наполняла настоятеля смертельным ужасом.

А вскоре вышло наружу, что предательство роится и в самом доме пана володаря. Ибо заметил он, что даже собственная жена его, Висенка, плетёт сговор с Бабусей. Володарь подозревал, что оный сговор имеет нечто общее с напитком, который его жаждущая прироста семейства женушка вливали в него всякое воскресенье — весь день потом держался во рту гадкий привкус. А поскольку володарь побаивался Висенки — а тем паче побаивался её отца, прославленного старосту Змеика, господина над Помещеницами, — то и решил держаться от ведьмы подальше. До благовременья, поскольку, наблюдая за местными жёнками, володарь высчитал, что самое большее после четвертого спиногорыза Висенка распрощается с сими мыслями — и вот тогда-то ведьма ответит ему за всё, включая воскресное чудо-зелье.

Пока же практика Бабуси шла успешно. Шимек приметил, как из ведьминой избы выскочила молодая жёнка солтыса и, сжимая что-то в подоле, что было духу помчалась в лес. Из-за неприкрытой двери раздавался издевательский гогот. Смущённый Шимек нервно почесал ногу об ногу... но видения светлого будущего рядом с Ярославной превозмогли страх.

— Хм-кхм, — откашлялся он вежливо.

Бабуся отворила дверь энергичным ударом клюки. Какое-то время всматривалась в свинопаса, грызя жёлтый ноготь большого пальца, а после проскрипела:

— Опаньки!

Парень покраснел.

— Опаньки! — повторила ведьма с тенью недоверия и удивления в голосе. — Вот же как ты вымахал, Шимек! Кто бы подумал? — и захихикала.

Шимек собрался с духом и несмело начал разговор:

— Водочки, Бабуся?

Шимек слышал, что она не прочь порой выпить, и запасся у корчмаря порцией оковиты.

— Водочки? — переспросила ведьма с сожалением. — Не пью уже водочки. С той поры, как Висенка обеспечила мне постоянный сбыт любавницы, пью только скальмерские вина из погреба её мужа. И ты мне зубы не заговаривай! Давай побыстрому: чего хочешь. В кого?

— В Ярославну, — выпалил Шимек и глупо улыбнулся.

Бабуся с неодобрением покачала головой.

— И четырнадцать моргов... — пробормотала под нос. — Вы что ж, никогда ничему не учитесь? Ты что же, не знаешь, что любавница цветёт на болотах? И думаешь, я люблю гонять голышом под полной луной? Не можешь, что ли, найти себе какую-нибудь милую расторопную девицу?

— Нет! — Шимек был уверен в своём чувстве. — Или Ярославна, или никто!

Бабуся снова заворчала.

— А чем платить собираешься? — спросила она подозрительно, чем совершенно сбила парня с мысли.

Несколько лет тому назад володарь рассорился с набольшим из соседней долины, и во время атаки на вражий двор отец Шимека пал на поле славы (вернее, во рву славы, откуда выловили позже его всё ещё пахнувший водкой труп, но у володаря был пунктик на краснобайстве). С той поры жилось им с матерью не лучшим образом. Огород за хибарой не родил

вдоволь фасоли на зиму, изба год за годом кренилась всё сильнее, и даже яблонька, дающая тень во дворе, дарила им лишь мелкую кислятину. Правда, были ещё два подсвинка, подаренные володарём в миг слабости, но Шимек скорее расстался бы с собственной жизнью, нежели с ними.

— Ну... видите ли... — затянул парень.

— И что я должна видеть?! — взъярилась старушка. — Ты что ж, думал, что я так вот, за здорово живёшь, примусь скакать по росе? Так я уже не молодуха! И подагра меня крутит. Мне б на печи сидеть да мёд попивать, а не голышом под луною мотаться. Не заплатишь — не получишь! И баста!

— А, может, вроде так... натурой, Бабуся?

Ведьма глянула с интересом, бесцеремонно ощупала Шимека взглядом.

— Ну-ну! — чмокнула удовлетворенно.

Шимек снова заалел (хотя и не пойми чего).

— Я думал, поубираю, там, дров нарублю, — быстренько пошёл он на попятную (хотя опять же не пойми чего). — Крышу починю... Она ж, видите, дырявая какая... Навоз разбросаю, — закончил он в последнем отчаянном порыве.

Бабуся Ягодка ждала достаточно долго, чтобы на глазах у Шимека выступили слёзы.

— Семь дней службы, — наконец отрезала сухо. — И ни днём меньше.

— Какие же вы добренькие! — просиял Шимек. — Так я приду утречком, едва солнышко взойдёт, и сделаю, что нужно.

— Я имела в виду службу стационарную, — скривилась Бабуся. — То есть, говоря по-простому, ты и твои свиньи на неделю переселяетесь ко мне. Или так — или никак.

В голове Шимека, крытой соломой курдюшек, мелькнуло трагическое предчувствие насмешек, на которые не поспеют местные острословы. Но... Он только пробормотал благодарствие и уныло поплёлся домой — извещать свинок о переезде.

Противу Шимековым опасениям, Бабуся Ягодка не настаивала, чтобы он поселился

в избе, а разместила его вполне пристойно, в хлеву. И тут же предупредила:

— Я сейчас ухожу ко двору. Висенка что-то запаздывает с оплатой, вино уже почти закончилось. Ворочусь вечерком, а ты быстренько за работу — крышу залатай. Но в колодец не заглядывай. Это весьма особенный колодец.

— Ничего, Бабуся, не переживайте, — убеждал её истово Шимек. — Я не из таковских!

Старуха усмехнулась себе под нос (а нос был у неё как красный клубень, с обязательной бородавкой, висевшей на самом кончике) и бодро потопала тропинкой. Едва лишь она исчезла, Шимек вздохнул свободней. Подле уборной нашёл скирду камыша для кровли и без промедления вскарабкался по лестнице. Мысль о Ярославне окрыляла его, потому что любил её так, что хоть помирай.

Когда к полудню солнышко припекло сильнее, Шимек решил, что пришла пора и отдохнуть. Убедился, что свинки спокойно роются у подножья трёх дубов, затеявших полянку, погрозил кулаком любимому козлу Бабуси, сплюнул под плетень, глотнул кислого молочка... Но вот всё его что-то мучило. Наконец медленно, шаг за шагом, приблизился к колодцу. Сруб выглядел совершенно обычно. Шимек внимательно огляделся, но ничего не предвещало скорого возвращения ведьмы.

«И что мне помешает? — подумал он, уже найдя оправдание. — Я только одним глазком. Да и вообще, отчего бы мне туда не заглядывать? А может, золото Бабуся там прячет, у Висенки выдуренное? Ну, раз живем. Загляну...»

И заглянул. Увидел свои небесно-голубые, выпученные от страха гляделки и разъявленный в удивлении рот. Но когда так таранился, во глубине колодца что-то забулькало, зашумело тоскливо — и донёсся до него любимый, сладенький голосок Ярославны.

— Что ты там торчишь, пентюх вонючий? — произнесла мельникова дочка, а

за спиной Шимека-в-колодце появилась её хорошенькая ручка и заехала ему в лоб толокушкой для картохи. — Опять баклуши бьёшь? Там с зерном приехали, бегом давай воз разгружать, а не то отцу пожалуюсь! — пригрозила она, а на поверхности воды с бульканьем начал формироваться образ Бетки-мельника.

Шимек благоразумно не стал ждать, что сделает Бетка, известный тяжёлой рукою и мерзким характером. Отскочил от колодца прежде чем успел вспомнить, что сие — лишь отражение в воде, и до вечера больше не слезал с крыши. И всё же видение Ярославны вызвало бурю в его сердце. Они были вместе! Она ему говорила! Смеялась над ним! Работа спорилась в его руках.

Бабуся Ягодка вернулась в сумерках.

— А ты быстренько, Шимек! — сказала с удивлением, а потом угостила его скальмерским вином.

Вино парня растрогало, усилив тоску по Ярославне. После половины второй бутылки и хозяйка, как видно, впала в доброе расположение духа, поскольку принялась настойчиво сзывать к бутылке нетопырей. Несчастные создания, которые до того спокойно свисали с балок и, пожалуй, не изъявляли желаний пробовать придворной диковинки, теперь в панике заметались по избе. Побуждаемый домашней атмосферой, парень задал вопрос, который ещё от полудня беспокоил его:

— А что такого странного в вашем колодце, Бабуся?

— Понимаешь, Шимек, — ведьма икнула и по-дружески хлопнула его по плечу. — Колодец сей волшебен и коварен. Такова уж у нашей профессии традиция, что всякая ведьма должна обладать чем-то волшебным и коварным: то ли вредным демоном в бутылке от перечной наливки, то ли самобойными дубинками, то ли ослом, что срёт раз золотом, а раз — чистым говном, и не поймешь, какая охота ему когда наступит. А у меня — колодец. И, значит, если он кого полюбит, то красиво

поёт и показывает будущее. А если кого не полюбит, то тому хватит и того, чтобы только в него заглянуть или воды напиться — и тогда случится что-то страшное.

— А что... страшное? — простонал Шимек.

— Ну, по-разному случается, — благожелательно пояснила Бабуся. — Одни в жаб превращаются, другие лет на сто засыпают, а был ещё один, так тот едва заглянул — и с криками в лес сбежал. Примстилось ему, что он олень теперь. А позже и вправду в него превратился. Висенка говорила, что те рога, которые висят над очагом в староштинском дворце — это его рога. Но правда это или нет — не ведаю. Сам же знаешь, как оно с той Висенкой...

Шимек не знал, но холодная дрожь пробежала у него по хребту до самых пяток — а потом обратно. Попрощался поспешно, пожелал Бабусе спокойной ночи и сбежал в свой хлев. Нетопыри воспользовались оказией и вылетели за ним вслед сквозь приоткрытую дверь, а притаившийся за углом избы козёл крепко наподдал Шимеку под зад.

— Колдовское семя! — возмутился парень. — Гляди мне, в котле закончишь!

Спал он плохо. Снилось ему, что снова заглянул в колодец и превратился в козла...

С утречка Бабуся Ягодка разбудила его, стукнув клюкою в стену хлева, и приказала заняться выгребными ямами. Вонь там стояла такая, что и свиньи сбегли, но Шимек упорно работал и мечтал о любимой.

Мечтал так сильно, что под вечер снова заглянул в колодец.

Правда, ни во что не превратился; всего лишь слегка удивился тому, что там увидел. А была там его Ярославна. Дородная и важная, словно пузатая кадушка для квашни, с двумя сопливыми детёнками, цеплявшимися за её юбки, выгоняла она свиней из огорода. Парень глядел на неё с подозрением: не то, чтобы разонравилась она ему, но была какая-то другая, лицо кислое, а для животинки не жалела пинков. Что ж, всё равно любил её Ши-

мек так, что хоть помирай! Но хуже всего было то, что левый глаз Ярославны поглядывал на него как-то злобно, холодно и непреклонно.

Погрустневший, он вернулся к чистке выгребной ямы.

— Чтой-то ты такой смурной, Шимек? — спросила Бабуся.

— Смердит ужасненько, — буркнул он.

— Сквозь тернии идем к любви, — ответствовала та философически. — Только сквозь тернии.

А потом снова устроили попойку. Ведьма пересказывала замковые сплетни, хлестала водку, словно мужик, и пододвигала поближе к Шимеку маринованную селёдку с лучком. Потому он и решил, что на самом-то деле хорошая она старушка. Выиграл у неё в карты две нитки настоящих кораллов, а Бабуся под конец так напилась, что лишь бормотала без конца:

— Сквозь тернии, сквозь тернии...

Состояние её слегка беспокоило Шимека, и он потихоньку убрался от греха подальше: никогда ж наперёд не узнаешь, не наложит ли на тебя ведьма по пьяни какое-нито паскудное заклятие. Прежде чем он уснул, в голове у Шимека родилась мысль, что всё наверняка привиделось ему от усталости. Невозможно, чтобы Ярославна на него криво поглядывала. И решил парень назавтра сомнения свои развеять.

Так и сделал. Оказалось, что девушка не только криво на него поглядывала, но ещё и громко и смачно ругала — к радости соседей. От расстройства Шимек-в-колодце отправился в корчму за водочкой, а Ярослава в отместку не впустила его ночью в дом. Потому улёгся он в кустах за мельницей, подальше от дороги, чтобы весть о его мужском позоре не разнеслась по всему селу. В спине у Шимека постреливало от тягания мешков с мукой, в животе бурчало от голода, и даже колодец булькал как-то... насмешливо.

И так Шимек расстроился, что утешила его лишь добавка пирогов со сливками. А Бабуся Ягодка пироги пекла знатные!

В тот вечер Шимек винца и не нюхал, поскольку в трудовом запале убрал было гору козьего дерьма, коего оказалось вдовсталь под плетнём на задах избы. Увы, оказалось, что у Бабуся есть какая-то теория насчёт пользы от козьих бебешков. Страшно раскричалась она, грозила клюкою... Шимек же, не поняв слова «дистилляция», уразумел лишь, что Бабуся ужасно сердита и лучше на дороге у неё не стоять. На всякий случай, он лёг спать меж свиньями — как-то уж скотинка добавляла ему отваги.

Ещё до рассвета побегал парень к колодцу, однако там, увы, приятные неожиданности его не ждали. Ярославна поварешкой выбила Шимеку-в-колодце зуб, а когда тот хотел, по мужнину праву, расквасить ей нос, пригрозила, что пусть только пальцем её тронет, так папаня скоренько вышибет его из дому, да и морду ему разобьёт. Кричала ещё, что, как видно, совсем она во времена оны сбрендила, взяв замуж свинопаса, из голозадых его подняв, а в конце скрупулёзно перечислила четырёх коров приданого, перину, подушки и морги земли, кои она наследовала. Потом появился Бетка и приставил его к работе на мельнице. Уголком глаза Шимек-в-колодце заметил, как любимая его хихикает в кулак, а мельниковы слуги вторят ей радостно.

Парень стиснул зубы и пообещал себе, что более не станет заглядывать в колодец. Ведьма была права — тот и вправду был особенным. Опасным, злобным и вредным.

Поправил плетень. Бабуся же, как видно, его простила, поскольку, как наступил полдень, велела Шимеку отдохнуть. Солнышко пригревало, мухи звенели сонно, и остаток дня парень спокойно провалялся под дубом.

На ужин было жаркое из зайчатины. Шимек нажрался, как свинья.

— Откуда у вас это? — спросил с благодарностью.

— Да вот, прибрлудилось... — ведьма отерла с подбородка жирный соус. — Ещё хочешь?

— После вас, Бабуся, — ответил он вежливо, подставив тарелку. — А вы и так можете? То есть, в дворском лесу можете на зверя браконьерствовать?

— Браконьерствовать? — возмутилась Бабуся Ягодка. — У меня на это дело — привилегии. Ещё дедом Висенки выданные, во времена, когда большая война в Змиевых Горах гремела. Староста тогда на юг отправился. Войнушки ему захотелось, грибу старому. А как вернулся с той войнушки — то и без коня, и без седла парадного, даже шубу с него сдёрли, а уж голову так надщербил, что и ум у него из тех щербин вытекал. Ну, это-то как раз малая была потеря, — захихикала ведьма, — потому как ума в черепахе у него никогда много и не было. Вот только недельки две мне пришлось его выхаживать...

Шимек смешался. Не слишком-то хотелось ему выслушивать Бабусины истории. Полагал, что от володаря и его семьи надлежит держаться подальше: с несчастьем, как с блохастым, только прислонись — ан уже налезло. Да и отсутствие у Бабуся уважения к законам, по которым живет мир, наполняло его беспокойством.

— А ты, Шимек, чем бы хотел заняться? — спросила ведьма с хитрым лицом.

— Может, избу побелю? — рискнул он, не дожидаясь, пока та выдумает что-нибудь похуже выгребных ям.

— Ой, Шимек... — вздохнула Бабуся. — Завтра пятница, ни одна уважающая себя ведьма в доме и пальцем не шевельнёт. Чем по жизни хотел бы заняться, спрашиваю.

— Ну... — задумчиво поскрёб он макушку. — Хотелось бы, чтоб все спокойненько было. Мясная похлёбка и пирог со сливками каждое воскресенье...

Бабуся заметила, что интеллектуальное усилие становится для Шимека слишком болезненным, и сказала:

— Ладно, пирог тебе завтра будет. Возьми кусочек, матери занесёшь. Лучше будет, коли не станешь путаться у меня под ногами... О свиньях не беспокойся, позабочусь о них как следует.

Назавтра, освобождённый от службы и радостный, Шимек притаился в кустах, чтобы поглазеть на крутящуюся по подворью Ярославну. Однако же с удивлением отметил, что любовь его начала как бы убывать. И особенно много ubyло её, когда мельниковы работники его заметили и принялись дразнить, что, мол, вот и новый хахаль для Ярославны. Девушка разгневалась, крикнула:

— Уматывай отсюда, свинопас грязный! Перестань лазить за мною! Перестань на меня тарашиться! Убирайся! — и сбежала с плачем под издевательский хохот мельниковых работников.

Отчаявшись от её бесчувственности, Шимек снова поволокся в ведьмин домик.

«Ох, Ярославна! — думал с упреком, — Ярославна, моя сладенькая Ярославна!» — «И четырнадцать моргов, — подсказывал чей-то упрямый голосок у него в голове. — Четыре коровы. Пуховая перина...» — «Но всё изменится, — убеждал он себя решительно. — Ещё два дня, отвар из любавницы — и всё изменится!»

И он так размечтался, что лишь сильный удар рогами возвратил его назад на землю. Козёл Бабуся мекнул издевательски и убежал. Отчего-то козёл этот ужасно его невзлюбил и наподдавал рогом при каждой возможности. Разозлённый парень ринулся за козлом, который благоразумно забежал в избушку. Но ведомый праведным гневом, Шимек не остановился!

— Уже пришёл? — удивилась Бабуся Ягодка...

А челюсть Шимека так и отвисла от удивления. Потому как в избе сидели три видные молодницы, и одна из них, собственно, и заговорила голосом Бабуся (только более молодым и не таким писклявым). Были на них расшнурованные одежды с глубоким вырезом, каких не постыдилась бы и сельская потаскуха. Только куда там той потаскухе с благородным именем Горностайка было до зачарованной ведьмы!

— Я так... за козлом... прощенья просим, — пробежал поражённый Шимек и сбежал.

Изнутри избы донёсся до него дружный хохот трёх ведьм. Кажись, они со смеху так и полегли. Потому Шимек предусмотрительно отказался от ужина и вернулся к своим свинкам.

Утром Бабуся выглядела уже совершенно обычно.

— Ты что же, боишься меня, Шимек? — спросила она.

— Ну нет... — бездарно соврал Шимек. — Не слишком.

— Потому что нечего бояться, — кивнула Бабуся. — Правы девки, что-то я в последнее время страшно разленилась. Испортила метлу, перестала изменяться заклинанием «молодая-и-красивая», даже с нетопырями давненько уже не летала. Эх, провинция, стагнация. Не то что некогда... — задумалась над чем-то ведьма. — Но уж пока ты здесь, не стану колдовать. Чтобы ты не слишком пугался.

— Э, да мне-то всё едино, — пробормотал парень. — Превращайтесь, коли есть такая охота.

— Так вот? — спросила Бабуся игриво. Замахала тоненькими ручками, повернулась быстро — и снова перед Шимеком стояла черноволосая девица, которую он давеча видал в избе. — Сегодня ярмарка в Зелонках. Вернусь вечером, — она вырвала жердь из плетня, подтянула повыше юбки, уселась верхом и улетела.

Шимек побелил дом, вымел пол, вычистил печь, съел остатки жаркого со вечерашней ведьминой гулянки и, когда уже совершенно не знал, чем бы заняться, отправился тарашиться в колодец.

Ярославна приказала мужу убираться на мельницу, а сама закрылась в подклети и с кем-то там хихикала. Шимек-в-колодце приложил ухо к стене и был почти уверен, что узнаёт голос настоятеля. Словно кто его острой ткнул — принялся пристально разглядывать потомство (Ярославна всё хихикала в подклети) и пришёл к выводу, что младшенький его сынок слишком мордашкой напоминает уважаемого душепастыря...

Со злости Шимек пнул сруб. Печаль раздирала его сердце. Колодец заклокотал возмущённо и больше ничего не показал.

Потом Шимек слышал, как Бабуся, возвратясь, зовёт его, но не отзывался. Лежал, скорчившись, между свиньями и отчаивался, отчаивался столь страшно, что уснул только перед рассветом. А утром заявил, что в воскресенье работать не станет.

— Уважаю твои религиозные чувства, — согласилась Бабуся. — Можем слетать в село, как все уйдут на службу.

Шимек и сам желал бы сходить на службу, но решил, что не стоит провоцировать ведьму. С боязнью уселся на жердь позади старушки.

— Придержись-ка, — посоветовала Бабуся.

Он неуверенно приобнял её за пояс. Девыцы постоянно насмехались над Шимеком. Даже сельская шлюха шутила, что, мол, лучше бы ему сидеть со свиньями в хлеву, а не в корчме. Но Бабуся только с чувством потёрлась об него и чуть поёрзала, пока не нашла положения, чтобы он сумел ухватиться поудобней.

Приземлились на рынке, перед корчмой. Из-за дверей церквушки по ту сторону площади раздавался хриплый голос певчего, а жёлтый сельский пёсик с лаем вцепился в юбки Бабуся.

Та пнула псину под выпирающие рёбра и размашисто поддёнула подол.

— Как-то сонно здесь... — произнесла, осматриваясь по сторонам. — Что-то мне кажется, Шимек, что надо бы их слегка расшевелить!

Сперва они шмыгнули на мельницу и выколдовали жучков во всю муку. Потом заморозили пиво в корчме, сбили копыто коню настоятеля, сломали ось в телеге володаря и подпустили вшей в праздничный парик Висенки. Шимек и не помнил, когда он в последний раз так веселился. На обед же заявили в ближайший городок, где в кабаке с дурной репутацией потребовали себе салат, вепря в охотничьей подливке, паштет с трюфелями и на десерт — мали-

новую пенку. Бабуся, не моргнув глазом, за всё заплатила серебром и приказала ещё добавить на дорожку три бутылки красного винца. В полночь пролетели над селом, пошатываясь на жерди и постреливая молниями. В конце всего Бабуся устроила над садом володаря град колдовских огней, а Шимек заржал, довольный, и облапил её ещё сильнее.

Утром парень проснулся в кровати Бабуся Ягодки. Было у него неясное чувство, что он провёл воскресенье не совсем по божьим заповедям, но всё же продолжал улыбаться глуповато и с удовольствием.

Встал, натянул портки, перекусил овсяным печеньком и творогом, которые Бабуся оставила у кровати, запил пивком. Со двора донеслось отчаянное меканье ведьмино го козла.

— А, Шимек! — обрадовалась при его виде Бабуся, всё ещё в своём молодом образе. — Страшно мне надоел этот старый смердюх. Не видал там нож для убоя?

— Лежит в коморке. Сейчас наточу! — мстительно обрадовался парень.

Козёл, видать, уразумел, что ему светит, поскольку предпринял последнюю, отчаянную попытку вырваться. Но Бабуся держала крепко.

— Жаль, Керелько, — произнесла она несколько меланхолично. — Слишком уж ты опустился, и я с тобой вместе. Ты теперь даже как козёл ни для чего не годен, а мне бы пригодилась шкура на новый бубен, — и весьма умело ему перерезав глотку, принялась свежевать тушу. — И как можно так к животинке привязываться? — хлюпнула носом. — Столько лет мы вместе...

— Всему приходит конец, — глубокомысленно подвёл итог Шимек.

— Верно, — согласилась Бабуся. — Твоя служба уже закончилась, парень. В избе — приготовленный отвар из любавницы. Дашь ей выпить каплю в напиток — и дочка мельника твоя.

Шимек её вежливо поблагодарил, но от одной мысли о возвращении в село к обя-

занностям дворского свинопаса отчего-то охватила его ужасная меланхолия. Радости ради подумал о Ярославне, однако не помнил ничего, кроме того, как она орала на него — в колодце — и развлекалась с настоятелем. И становилось Шимеку всё грустнее и грустнее.

— Ну, так хряпнем на коня, — сказала Бабуся, предлагая ему стаканчик на прощанье.

Один превратился в два и три, потом — в бутылочку, потом — ещё в одну. Не пойми как снова оказался Шимек под периной Бабуся. В приливе решительности влил в её стакан отвар любавницы — и не несколько капель, но всю фляжку...

— Ох, дурачок ты мой! — заворковала нежно Бабуся Ягодка и погладила его по спутанным жёлтым кудряшкам.

Как нетрудно догадаться, Шимек так и не женился на Ярославне, дочке мельника. Зато перебрался в избушку Бабуся Ягодки (она страшно морщилась, когда он называл её так, и приказывала кликать попростому, Ягной) и отказался от должности дворского свинопаса, чем вызвал неприкрытую враждебность володаря,

Бабуся внимательно следила, чтобы Шимеку всегда хватало свежего мяска на обед, любимых пирогов и прочих вкусностей. Сперва володарь был несколько раздосадован, но после того как Бабуся Ягодка провела его, успокоился. И Шимек был уверен, что жена володаря, Висенка, приложила руку к преодолению сего сопротивления: в последнее время наследник Вильжинской Долины начал всё сильнее толкаться у неё в животе, а ведь всем нужна счастливая развязка, верно?

Однако не обошлось и без борьбы с клеветническими языками. Правда, Шимек не понял значения слова «прижопник», но во время первого самостоятельного похода в корчму пришлось ему начистить рожу одному-другому мужику. К счастью, Бабуся предварительно напоила его отваром, дающим силу девятерых мужчин, и

он легко сумел поломать ребра Стругалу и отбить почки Мыши. С того времени люди относились к Шимеку уважительно и обходили стороной.

А Бабуся Ягодка щедро одаряла его счастьем — днём и ночью. Почти не видал её Шимек в ином облики, нежели пригожей, красивой девицы. Только ночами, когда погружалась Ягодка в особенно глубокий сон, вновь становилась она мерзкой морщинистой старухой. В те минуты бывало ему несколько не по себе, но хватало ткнуть её локтём под ребро — и Бабуся тотчас превращалась в цветущую молодуху.

Сперва Шимек немного беспокоился, когда ведьма заставляла его бегать в козлиной шкуре, но постепенно он привык и к этому. Да и Ягодка частенько превращалась в козочку, так что Шимеку порой даже жаль было возвращаться к человеческому облику. Подходили они друг к

другу, как форма и отливка. Бабуся даже пила отвар «сделай-это-без-опаски», хотя, приняв во внимание её возраст, Шимек полагал, что слишком она усердствует с предосторожностями. Но ведь с ведьмами никогда ничего не ясно, и как знать, о чём она сплетничала с подружками? Был у ведьм обычай превращаться в нетопырей и присоединяться к стае у потолка. Шимек полагал, что так она развлекается по чистой бабской злобе — радовалась, когда он стоял внизу, ничего не понимая, и, раззявив рот, глядел, как они летают под балками.

Но он всё равно был счастлив. Знал, что не мог бы устроиться лучше, и стал всё чаще подумывать над тем, как бы сказать Ягодке, как её любит. А любил он её так, что хоть помирай.

Перевёл с польского Сергей Легеза

Продолжение следует

Анна Бжезинская начала литературную карьеру довольно поздно, но уже прочно утвердилась на небосклоне польской фантастики.

Родилась она в 1971 году в Ополе. По образованию — историк, специалист по народной магии в Польше времён Ренессанса и раннего Нового времени. Историческое образование накладывает отпечаток на всё творчество Анны, пишет ли она фантастическую сагу или фантазмагорические истории о Первой мировой войне. По сути, Бжезинская привила лёгкому жанру фантастического приключения историчность, превратив развлекательное чтение в высококлассную литературу. «Вокруг фэнтези, — говорит она, —росло множество

Сергей Легеза родился в 1972 году. Кандидат исторических наук, работает на кафедре социологии ДНУ. Автор десятка опубликованных рассказов, переводчик с польского. Живёт в Днепрпетровске, Украина.

предрассудков и предрассудков, которые приводят к тому, что этот жанр априори оказывается обречён на ненаучность и тенденциозность. А ведь фэнтези может черпать из науки настолько же много, как и научная фантастика, особенно из наук гуманитарных и социальных».

Первый рассказ Бжезинской — именно с ним читатель только что познакомился — опубликован в 1998 году. И именно это произведение на какое-то время стало визитной карточкой писательницы, ведь она получила за него премию имени Я. Зайделя, главную в польском фэндоме.

Необычный стиль и тематика рассказа позже оказались развиты: в 1999 и 2000 годах в издательстве «SuperNOWA» вышли два первых тома тетралогии «Разбойный большак» («Zbójecki gościec»), принесшие Бжезинской очередную награду им. Я. Зайделя. На сегодняшний день серия эта в Польше не менее известна, нежели цикл о ведьмаке Геральте Анджея Сапковского.

Каждая из следующих книг Бжезинской становилась литературным событием — и каждая из них открывала новую грань таланта автора. Иронично-горькие «Сказания из Вильжинской Долины» («Opowieści z Wilżyńskiej Doliny»), выверенные до звона «Воды, глубокие как небо» («Wody głębokie jak niebo»), совершенно неожиданный цикл «Большая Война» («Wielka Wojna»), события которого происходят в окопах Первой мировой — книги эти подтверждали класс писателя.

Произведения Бжезинской популярны среди польских читателей. Она 12-кратный номинант и трёхкратный лауреат премии им. Я. Зайделя (больше номинаций на высшую премию польского фэндомы лишь у Яцека Дукая). Среди причин этой любви — сама история жанра в Польше и, конечно же, — литературное мастерство, а также владение автором специфическим культурным и историческим материалом.

Польская фантастика конца 1990-х переживала кризис. Мощное течение социальной

фантастики времён ПНР — по сути, форма инакомыслия — после падения социализма лишилось если не читателя, то куража: когда можно говорить всё, есть ли смысл в многослойных иносказаниях с чисто декоративным фантастическим элементом? Да и массовый вброс англоязычной литературы ослабил польских авторов. Переводная литература казалась ярче, богаче идеями, динамичней. Веру издателей и читателей в коммерческую успешность своих авторов вернули несколько человек, создавших, по сути, польскую фэнтези. Среди них и Анна Бжезинская.

В 1999-м, получая своего первого «Зайделя», Бжезинская провозгласила лозунг, за который ей долго пеняли в фэндоме: «Да здравствует развлекательная фантастика!». Что интересно, не прошло и пяти лет, как автора перестали упоминать в числе тех, кто пишет эту самую развлекательную фантастику: книги Бжезинской стали оценивать как серьёзно сделанную литературу с мощной исторической подложкой и высококлассным языком.

Бжезинская позже вспоминала: «Меня причислили к развлекательному течению главным образом из-за дебютантского рассказа о Бабусе Ягодке. С ярлыками не спорят — да и зачем бы? Но проблема состояла в том, что в тот момент одновременно с развлекательной литературой отрицались книги, неангажированные политикой. Мне же совсем неинтересно комментировать текущие политические события. Я всегда шла собственной дорогой».

Первое, что бросается в глаза при чтении рассказов и романов Анны Бжезинской, — язык. Он всегда подстроен под сюжет и обстоятельства раскрываемых событий: густой говорок австралийских добровольцев в окопах Первой мировой («За короля, отчизну и горсть золота» — «Za króla, ojczyznę i garść złota»), атмосфера русской деревни («Жар» — «Żar»), холодно-отстранённые описания мира ренессансных магов условной Италии в цикле «Воды глубокие, как небо»...

Герои и мир — ещё одна особенность произведений Бжезинской: раз за разом автор ставит вопрос об общем и отличном не просто в чувствах — в мировосприятии героев вымышленных миров. «Я не уверена, что наши чувства настолько уж изменились за все эти столетия, отделяющие нас от Средневековья, — пишет она. — Люди тогда точно так же любили, мечтали, страдали и умирали. Но вот социальные правила и способы выражения этих эмоций были другими. Иначе воспринимали тогда старость, иначе выбирали себе супругов, иначе понимали самопожертвование. Именно поэтому путешествие в мир ментальности наших предков настолько увлекательно: это словно открытие нового мира, словно попытка понять пришельца с другой планеты».

И ещё: Бжезинская чётко осознаёт логику развития истории — и нашей, и вымышленных миров. «Прошлое было грубым, — отмечает она, — современность, впрочем, бывает не лучше, и даже оптимисты порой это замечают. Мои книги говорят о старых временах, каковые люди часто воображают себе как мифический золотой век, в котором мужи были отважней, женщины — целомудренней, а трава — зеленее. Вот только это полная ерунда. Просто мы так сконструированы, что предпочитаем думать о благородных гусаках, что гибнут на страже Отчизны, нежели о наёмных войсках, которые опустошают окрестности, словно гопота, облачённая в доспехи. Но меня-то интересует прошлое куда менее привлекательное, менее слащавое».

Рассказ «И любил её, хоть помирай» — самое начало авторского пути. И, полагаю, закономерно, что русскоязычный читатель начинает своё знакомство с творчеством Бжезинской именно с него. С уверенностью, что — продолжение следует.

Фото Сергея Пальцуна

Александр Змушко Принцесса и пастух

«О, великие Боги и Богини княжества Дуафэйн! Если бы вы знали, как тяжело мне, как томится в оковах душа моя. Будто кандалами Повелителя Змей прикована я к этому брэнному, тусклому, безрадостному неизбывному существованию: жизни среди пустых балов и бессмысленной вежливости расфуфыренных павлинов — вежливости, что прячет за собой яд, кинжал и смерть. О, сколько из них охотно бы отправили моего папеньку на виселицу или на плаху!

Когда я смотрю в их змеиные, насмешливые глаза, мне хочется вырвать у них из-за спины фигуральный стилет предательства и вонзить в их остуженные сердца. То-то они удивились бы! Да где бы они были, если бы не мой папенька? Давно в утробах великанов, что спускаются с гор Морт-ле-Дор и разводят свои костры на равнинах Ласколесья.

Жаль, что папенька так далеко: вновь он воюет с людоедами из пустошей Заземелья. Без него тут всё холодно и пусто, мрамор пола скользок, как дрожащая в руках змея, портьеры скрывают тени, а тени — убийц. И шёпот измены разносится по коридорам.

Вчера я уснула Лючию, что пробует моё вино и снесь. Ещё не хватало отравить невинную пейзажку! Теперь я ем мало, зато пью много вина. Я могу на вкус различить шато 6785 дофиллоксерного года от года 6800, богатого на солнце и урожай. Поэтому отравы в вине я не боюсь.

Но я устала, так устала...

День за днём, ночь за ночью: на троне с яхонтами и соболями, среди атласных подушек, под одеялами из шёлка. Кругом меня золочёные маски, карнавал лицемерия, буффонада лжи, аттракцион фальши. Иногда, когда ночь темна, и горизонт чист, будто омытый слезами праведников, я выхожу на балкон и смотрю на небо. Оно черно и глубоко, но в нём сияют глаза Богов — беспорочные древние звёзды. Они подобны смарагдам и лалам, что вделаны в хрусталь.

И тогда я думаю: быть может, где-то, на Краю Земли, за Морем Крабов и лесами Зломирья, лежит страна — тихий, мирный край, где холмы поднимают покатые головы в небо, яблони дряхлеют под грузом золотистых плодов, и солнце привольно катит свою алуу голову по небосводу, полному кудрявых облаков.

А на одном из пригорков сидит парень — ещё не муж, но уже более не юноша, с кудрями спелее хлеба, глазами цвета неба, опрокинутого в озерцо, и играет на свирели бурёнкам, что пасутся неподалёку, чудную ласковую мелодию.

И я говорю ему: «О, как бы охотно я присела рядом, бросила пыльные коридоры, полные убийц, манускрипты, полные кошунственных тайн, и правление, полное крови и тоски». И тогда я говорю ему: «Я люблю тебя!»

Принцесса Амальфи отложила перо и оборвала свои записи. Ночь была такой,

Александр Змушко родился в 1981 году. Автор нескольких фантастических рассказов, опубликованных в различных журналах и альманахах. Живёт в Минске, Беларусь.

как она любила: полная хрустальной подвижной тьмы, что затекала в покои через окна, струилась жидким мраком, разведала занавеси порывами ветерка.

Не хотелось думать о канцлере Иофе, что, похоже, таил измену, о кордегардии и гвардейцах Жиндга, что расквартировались не в тех кварталах. Документы лежали подписанными, с просыхающими печатями, но мысли принцессы были о другом.

Она вышла на балкон, прошелестев парчовыми юбками.

Ночь дохнула на неё морем и тишиной.

«Я люблю тебя, — прошептала Амальфи, сама не ведая кому. — Я люблю тебя!»

Сдвинулась портьера, пустив по полу волну танцующих теней.

Беззвучные шаги, словно поцелуи тишины, коснулись пёстрога ковра.

— Канцлер? — изумлённо воскликнула Амальфи.

«Да», — ответил ей холодный стилет, пять дюймов калёной стали, поцелуем истины погрузившийся прямо в сердце...

А на другом Краю Мира, за Морем Сильфов и лесами Зломирья, всходило солнце. Оно позолотило верхушки яблонь, что трещали под тяжестью плодов, расплескало алый мак по небосклону, полному пенноруных белогривых барашков. В лесу просыпались птички, вот одна робко посвистывает, вот другая...

На взлобье одного из холмов — широких, похожих на спины Зверя-Великана, сидел парнишка — ещё не муж, но уже и не дитя, в соломенной шляпе и одежде изольна. Он поднёс к губам тростниковую дудочку — и зашумели, отзываясь шёпотом, сосны, вторили жаворонки в траве. И даже солнце, казалось, порозовело от смущения и приподнялось над лесом — как же тут не послушать?

Коровы, из самых сознательных, промычали.

А парень, закрыв глаза, запрокинул голову в густую мураву и провалился в сон.

И снилась ему девушка красоты Неземных Царей, что стояла на балконе в платье, золотом и тяжёлом, и, плача от горя, смотрела на звёзды. Он не знал, кто она такая, но она снилась ему каждую ночь. Полная красоты и печали, среброкудрая принцесса Грёз.

Во сне он взял её руку, и они вместе посмотрели на звёзды.

«И я тоже люблю тебя».

И вдруг, внезапно, сердце заныло, пронзённое острой болью; словно острое лезвие, вершок за вершком погружалось в него. Парень скрючился и покатился с холма; только внизу, в крапиве, ему удалось отдышаться. Прихрамывая, он побрёл обратно, к бурёнкам. Сон о принцессе больше не приходил.

Вечером, когда загонял коров домой, его встретил на околице пострелёнок Мафий:

— Весемир, Весемир, послушай, что бают!

— Бают байки, — улыбнулся ему пастух. — Ну да ладно, говори.

— Агафья проснулась! — выпалил малец. — Та самая, что уже неделю как уснула. Уже ведун велел труну ей заказать, гроб деревянный. А она — хоп, поднялась и глазами хлопает! Уже вторую мису борща доедает.

— Да ты что? — подивился парень. — Пойду гляну на такое чудо.

Но то было не чудо, а всё впереди...

Как прошёл он мимо злого волкодава, что сидел на цепи, курятника и рукомоиника, отворил сенцы и вошёл в дом (а народу, народу-то!), как подняла Агафья глаза — так сразу понял он, кому они принадлежат.

— Вот и я, — просто сказала девушка звонким, неагафьевским, голосом. — Уж прости меня. Долго ждал?

А через месяц-другой сыграли свадьбу. Галфа да Афоний, родители невесты, всё приговаривали, что другой она вернулась, чисто ангел небесный: вкусила райской благодати да к истине прикоснулась: голос

звонкий, как колокольчик, а нрав кроткий. Да что уж там, любили и такую: это чудо великое — забрал Дажьбог доченьку, Дажьбог и дал. А там пошли и внучата, один за другим: как грибы из лукошка.

Сказывали, будто далеко за Акианом, на Краю Мира, заморские царства вцепились одно другому в глотку и никак замириться не могут: идёт войной царевич на царевича, князь на князя. Да только здесь кому какое дело до всех этих кум-королей? Как только заходила о том речь, Агафья сразу отмахивалась: «Басни всё, какой с них прок? Слышать не хочу про царства заморские, у меня своё счастье рядышком». Так и жили они, поживали, и во всём у них была удача и довольство. Солнышко красное, глядя на них, нарадоваться не могло.

Лишь ночной порой стояли они под звёздами, и называл Весемир её своей принцессой, и звёзды одевали её в корону из алмазов и сапфиров.

Но про это и не знал никто...

Яцек Савашкевич Телефон

Целый месяц каждую ночь, где-то во втором часу утра, в моей квартире звонил телефон. Неясный мужской голос спрашивал меня.

— Слушаю вас, — отвечал я.

— А-а, ну тогда прошу прощения, — бормотал мужчина и клал трубку.

И вот наконец неделю назад, доведённый до крайности, я на привычный уже

вопрос ответил, что здесь не живу. Мужчина помолчал немного, а затем и говорит:

— Ну, тогда, когда он придет, скажите ему, пожалуйста, что я просил его мне позвонить.

Путру я отправился в телефонную кампанию с жалобой. Сидевшая за столиком девушка записала мою фамилию, затем спросила номер моего телефонного аппарата. Я ей честно ответил, что телефона у меня пока ещё нет.

— Ну так давайте мы вам его поставим, — предложила девушка.

И они поставили. На следующий же день. Но, странное дело, с тех пор таинственный мужчина перестал мне звонить.

И вообще никто не звонит.

Телефон испорчен.

Из книги «Между прочим ужас» (Jacek Sawazkiewicz. Miedzy innymi takabra, 1985).

Перевод Владимира Аникеева.

Яцек Савашкевич (1947 - 1999) польский писатель-фантаст. Автор НФ-книг «Ожидая» (1978), «Пришелец» (1979) «Наследники» (1979), «Манекен» (1980), «Катарсис» (1980), «Эскапизм» (1982), «Мистификации» (1983) «Между прочим ужас» (1985) «Состояние угрозы» (1987), «Маятник» (1986), «На фоне космической бездны» (1988), а также цикла повестей «Хроники Акаши» («Обряд посвящения», 1981; «Астральная оболочка», 1981; «Метампсихоз», 1984; «Повторение Апокалипсиса», 1987).

Дмитрий Федотов Один день Дениса Ивановича

...Конские лавины, храпя, сшиблись, словно две могучие океанские волны, и началась молчаливая, жестокая и отчаянная рубка. Всадники вертелись в сёдлах, нанося удары направо и налево. Блеск клинков мгновенно угас, окрасившись тусклым багрянцем. Над долиной, ещё недавно зелёной и ароматной, повис тяжёлый запах пыли, крови и пота — запах смерти. Отравленные им люди и животные уже ничего не могли с собой поделаться — всеми овладело лишь одно желание: убивать. Люди рубили и кололи, лошади рвали зубами и били копытами друг друга, и казалось, что никто не сможет выжить в этом аду.

Денис Иванович сражался в первых рядах. Перед ним мелькали синие пятна мундиров неприятеля, и он рубил и рубил эти пятна, с неумолимостью машины отводя и опуская руку с палашом, ни о чем не думая и даже не испытывая положенной доли ярости. Тяжелая сталь методично погружалась в синее и перекрашивала его в тёмно-красное, бордовое, не вызывая у Дениса Ивановича никаких эмоций...

«Странно, надо будет проверить настройки эмо-блока, — отстраненно подумал Денис Иванович. — Похоже, в этой разрекламированной «Dream Fictions» полно багов. Тоже мне, альфа-версия!»

И, словно отзываясь на его мысли, сквозь пыльный саван сражения протаяло голубоватое окно, в котором возникло милостивое личико девушки-оператора.

— Уважаемый господин Чичиков, вы просили напомнить о времени пробуждения, — прощепетала девушка. — Сейчас семь часов двадцать три минуты... Желаете прервать сон?

— Да, конечно. Спасибо!

— Благодарим за использование нашей продукции! Разрешите предложить вам...

Денис Иванович ткнул палашом в клавишу «exit» во всплывшем окне меню, и храпяще-лязгающее месиво битвы свернулось в кокон. В наступившей темноте перед глазами несколько мгновений ещё плавали какие-то цветные пятна, затем привычным движением Денис Иванович снял контактный шлем «реал-тайма».

Сквозь неплотно прикрытые жалюзи уже пробилось несколько жёлто-оранжевых лучей, рассеявших полумрак комнаты и возвестивших о начале нового дня.

— Надо вставать, — сказал сам себе Денис Иванович и отбросил покрывало.

Постель жены уже была аккуратно заправлена, и Чичиков со вздохом сделал вывод, что опять придётся завтракать в одиночестве. Прошлёпав босыми ногами на кухню, он просмотрел на вирт-экране мажордома последнюю запись: жена заказывала на завтрак любимые шоколадные пончики и кофе по-ирландски.

— Ну что ж, — резюмировал Денис Иванович, — что позволено Юпитеру, то позволено и быку! Извини, дорогая, но ты первая нарушила соглашение о неупотреблении лишних калорий...

Он быстро сделал заказ на странице «Моментальной кухни» — рыбный пирог, ореховые шарики в меду и стакан мангового фреша — и отправился в ванную. Стоя под тугими струями, Чичиков вдруг подумал, что сегодня — последняя пятница месяца, а именно в этот день они с Машей уже много лет подряд выбирают на Прогулку. Именно так, с большой буквы. Потому что в остальные дни им обоим абсолютно некогда, да и неохота, если честно. Но Прогулка в последнюю пятницу — нечто особенное! Это почти священное

Дмитрий Федотов родился в 1960 году. Автор цикла фантастических детективов о журналисте Котове, лауреат ряда жанровых премий в области исторической и фантастической литературы; действительный член Академии русской литературы. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России. Живёт в Москве, Россия.

действие, к которому супруги Чичиковы готовятся из месяца в месяц — морально и физически. Много лет. Но всё равно каждый раз у Дениса Ивановича сердце начинает биться, будто перед первым свиданием. А у Маши премило розовеют щёки и блестят глаза, как тогда, полвека назад...

Выйдя из душа, Чичиков с удовольствием осмотрел себя в зеркале: поджарый, загорелый, с благородной сединой в тёмно-каштановых волосах — весьма интересный мужчина. В семьдесят с лишним Денис Иванович выглядел и чувствовал себя лет на сорок пять, не больше. И во многом — благодаря Сети.

Это чудесное достижение двадцать первого столетия, поначалу критикуемое всеми и вся, в конце концов завоевало доверие общества, высвободив людям массу свободного времени для занятий в первую очередь самими собой. Посещения магазинов, офисов, многочасовые поездки на работу, учёбу или, наоборот, в город и обратно — всё это отнимало большую часть дня, и человеку в личное пользование оставались лишь короткие вечерние часы да немногие выходные дни — только-только отоспаться перед новым недельным марафоном. Сеть же смогла взять на себя большую часть повседневных проблем, сократив их до минимума...

Из прихожей раздался мелодичный звук, известивший о том, что заказ доставлен. Денис Иванович приложил указательный палец к сенс-карте модуля доставки и отнёс пакет-термостат с едой на кухню.

Когда Чичиков закончил завтрак, часы на вирт-экране мажордома показывали без пяти минут восемь. Денис Иванович вернулся в спальню и переоделся в лёгкий костюм. Затем прошёл в кабинет и привычно уселся в удобное рабочее кресло. Его эргономичная спинка тут же приняла форму хозяина, давая максимальное расслабление позвоночнику. Чичиков разбудил компьютерный комплекс и набрал личный код активации в Сети. На вирт-экране высве-

тилась надпись: «Вход разрешён. Активируйте объём».

Денис Иванович надел НМД¹ и запустил рабочую программу виртуального офиса. Последние десять лет он трудился консультантом по правовым вопросам в крупной сетевой юридической фирме. Несколько секунд внутри шлема царил темнота, затем вспыхнул знакомый приятный голубоватый свет, и из него протаяла симпатичная мордашка секретарши-оператора фирмы.

— Доброе утро, Денис Иванович!

— Здравствуйте, Леночка. — Чичиков невольно улыбнулся: девушка сильно напоминала ему собственную внучку Катеньку: веселую, курносую, с озорными карими глазами. — Ну, что у нас сегодня?

— Пока три встречи и одна заочная консультация. С чего начнёте, Денис Иванович?

— Со встреч, конечно.

— Даю INN. Клиент — Окунин Сергей Борисович.

Лицо Леночки исчезло. Голубоватый свет померк, и из него проступил объём просторного офисного помещения с окном во всю стену, из которого открывался изумительный вид на долину: широкая серебристая лента реки, пестрые луговины и тёмно-зелёные пятна перелесков.

Чичиков очутился за старинным полированным столом красного дерева, однако напичканным под завязку электроникой. Эта мода — «incongruous combination» — в последнее время прочно захватила позиции в сфере услуг. Считалось, что такой стиль располагает к доверительности в общении.

Раздался вежливый стук в дверь, и в кабинет медленно и с достоинством вошел плотный невысокий мужчина. Отличительной чертой его внешности можно было назвать могучий лоб, нависавший над большими выразительными глазами горца.

¹ НМД — Head Mounted Display — шлем-дисплей для создания и управления виртуальными пространствами.

— Здравствуйте, господин адвокат, — произнес посетитель глубоким, чуть с хрипотцой, хорошо поставленным голосом.

— Здравствуйте, господин Окунин. Присаживайтесь, — благожелательно кивнул Денис Иванович, указывая на кресло перед столом. — Только давайте сразу уточним: я не адвокат. Я консультант по правам. Слушаю вас.

— Господин консультант, мне нужна ваша помощь, — посетитель заметно заволновался. — Дело в том, что у меня украли книгу!

— Спокойнее, Сергей Борисович. Давайте по порядку: какую книгу, когда украли, каким образом?

— Мою книгу. Новую! Прямо из компьютера...

Рабочий день привычно набирал обороты. За ограбленным писателем явился муж известного лидера движения «Свободные женщины России» и поинтересовался,

возможно ли отсудить у жены при бракоразводном процессе дачу, которую он построил собственными руками. Потом был внук депутата-либерала, унаследовавший от дедушки скверную привычку обливать водой оппонентов во время дискуссий. Затем ещё кто-то...

Денис Иванович любил свою работу и отдавался ей целиком, не замечая ни времени, ни происходящего вокруг. Поэтому, когда секретарша Леночка пригласила его на обед в виртуальный зал ресторана «Старый мельник», Чичиков с неохотой вышел из программы офиса. Однако обед, заказанный секретаршей, оказался весьма недурственным, а сама девушка просто блистала юмором и остроумием. В результате Денис Иванович расчувствовался и заказал для Леночки в сетевом маркете «Exotic» её любимые фиолетовые орхидеи с ручными тропическими бабочками, которые ей доставили прямо домой буквально

но через четверть часа, — ведь девушка тоже была фрилансером, как и Чичиков.

В результате такого обмена знаками внимания у Дениса Ивановича на весь остаток трудового дня сохранилось прекрасное настроение. Он блестяще провёл сложнейшую беседу с человеком, одержимым манией подозрительности, так что даже не пришлось сообщать в компетентные службы Сети. А ведь обычно в подобных случаях требовалось непременно давать ссылку на INN клиента, как потенциально опасного юзера...

Когда прозвучал сигнал окончания рабочего времени, Чичиков даже немного обиделся: ведь так интересно и славно всё получалось!.. Он с легким сожалением нажал клавишу «quit», замерцавшую на полированной крышке стола, и кабинет растворился в дежурном голубоватом мареве Сети. Затем погасло и оно. Денис Иванович снял HMD и сразу услышал шаги за спиной.

Обернуться он не успел. Мягкие и ласковые руки обвили шею, тёплая и нежная щека прижалась к его щеке, уже ставшей слегка колючей.

— Здравствуй, милый! Хорошо потрудился?

— Здравствуй, Маша! День прошёл просто замечательно. Но... — Денис Иванович обнял жену и посадил к себе на колени. — Впереди у нас сегодня ещё более приятное событие!

— Какое же? — Она лукаво взглянула на мужа и прильнула всем телом.

— Не притворяйся, ты знаешь.

— Да-а?.. Попробую угадать... Неужели — Прогулка?!

— Именно! — Чичикову тоже передавалось её игривое настроение, и он с удовлетворением отметил возникшее в груди волнение от близости любимой женщины.

— Тогда идём скорей! — Маша ласково высвободилась из его объятий. — Поужинаем после Прогулки. Хорошо?

Денис Иванович кивнул, любуясь стройной и гибкой не по годам фигурой жены.

Надо же: ей уже за пятьдесят, а выглядит по-прежнему девушкой — спасибо Сети!

Сборы были привычными и недолгими. Но оба бессознательно затягивали их, делая всё медленно, обстоятельно — задерживая сам момент выхода из дома. И вот наконец этот миг наступил.

Они покинули квартиру и остановились перед дверью подъезда. Маша протянула руку к опознавательной панели, но пальцы предательски задрожали, и она спрятала руку за спину. Тогда Денис Иванович вздохнул и приложил к панели свою ладонь. Наружная дверь с тихим шипением утонула в стене.

Перед Чичиковыми расстилался двор. Косые лучи закатного светила отражались и дробились от поверхности множества мелких луж на асфальте дорожек, вспыхивали радужными звездочками среди освежённой недавним дождем листвы.

Прогулка! Что может быть замечательней и приятней в жизни? Глупцы, кто считает виртуальные путешествия идеальным отдыхом. Да, конечно, там полный сервис, изумительные ощущения, масса интересной информации, но... Вот этот запах недавнего дождя, лёгкий ветерок, запутавшийся в волосах любимой женщины, и её восторженный, полный ожидания взгляд, — право, стоят того, чтобы хотя бы раз в месяц вынырнуть из удобного и безопасного мира и окунуться на часок в неведомое... или давно забытое?..

Денис Иванович сжал узкую ладошку жены в своей и спросил:

— Куда идём сегодня, дорогая?

— Давай спустимся к прудам, — предложила Маша. — Соседка вчера говорила, будто видела там какие-то необыкновенные цветы.

— Неужели? Это интересно! Идём к прудам...

И они, поддерживая друг друга, счастливые, осторожно двинулись на Прогулку, которой ждали целых тридцать дней.

Владимир Венгловский Месяц ветров

Если стоять на бархане к востоку от Города, то пустыня просматривается далеко-далеко, до самого горизонта. Каждый раз, когда вглядываешься в переливы песка, можно увидеть горные цепи, поднимающие вершины из жёлтого сыпучего моря. А вон там, возле багрового восходящего солнца, русло полноводной реки с песчаными волнами. Всё точно как в книге с картинками, которую читает нам Староста. Только это — ненастоящее, плод воображения, марево над пустыней.

Но заманчивые дали всё равно притягивают мой взор. Изо дня в день. В перерывах между тяжелой работой и занятиями у Старосты.

— Лесс! Бегом к колодцу! Сколько тебя можно ждать?!

Я понял, что меня зовут, только когда крики стали совсем нестерпимыми. Нужно идти к колодцу в центре Города и крутить ручку, медленно поднимая ведро из подземного источника. Да и опускать тоже осторожно, боясь его разбить, уронив с такой высоты. Пятьдесят оборотов вниз и пятьдесят вверх. Вверх — гораздо труднее, до дрожи в уставших руках, потому что ведро идёт полное до краев холодной густой водой. Если тихо-тихо замереть, то можно услышать, как в глубинах земли шумит источник. Он манит и зовёт, поэтому надо поскорее передать очередь следующему работнику, чтобы случайно не сделать шаг.

Мне уже шестнадцать, и я давно тружусь наравне со взрослыми мужчинами.

— Иду, иду-у-у!

Меня особо не ругают за задержки, так как я являюсь ещё и добровольным наблюдателем. Настоящие наблюдатели (вон они — на двух вышках сидят) не замечают красот пустыни. Они высматривают предметы, которые выносят на поверхность песчаные течения. Тогда горожане спешат, чтобы успеть схватить предмет, а если он большой — опутать прочными сетями и притащить в Город, пока песок не поглотил обратно то, что принадлежит пустыне. Порой появляются очень хорошие вещи, добыча которых — праздник для всего Города.

Я люблю рассматривать древние предметы, наверное, так же сильно, как и пустыню. Мне нравится держать их в руках, изучать старинные надписи, пытаться разгадать скрытые значение и смысл.

В этом Анрика очень мне помогает. Это нас и сблизило. В моем доме, где я живу один после смерти родителей, есть древняя часть стены, в которой покоится таблич-

Владимир Венгловский родился в 1973 году. Пишет на русском и украинском языках. Опубликовал около трёх десятков рассказов. Живёт в Житомире, Украина.

ка с едва различимой надписью: «ул. ... ова, 14». Я не понимаю, что она означает, но каждое утро, когда ухожу, протискиваясь сквозь крохотную дверь, прикасаюсь к табличке, словно к тайнам далёкого прошлого. Анрика, если успеваешь забежать ко мне в гости, тоже до неё дотрагивается, и тогда наши пальцы иногда встречаются.

Анрика работает на молочной ферме. Свободного времени у неё ещё меньше, чем у меня. Но зато у нас есть занятия у Старосты, где мы все встречаемся — я, Анрика, Стас и Крошка.

Я начал спускаться с бархана, когда увидел...

Что это?!

Вдали на юге, куда никогда не ходят наши охотники, среди утреннего марева пустыни передвигалась тёмная фигура, отбрасывающая длинную тень.

— Путник! — закричал я, не веря собственным словам. — Путник!

«Бом-м-м, бом-м-м», — гулко и протяжно ударил колокол на вышке наблюдателей.

На протяжении всей моей жизни в Городе ни разу не приходили чужаки...

* * *

Когда папа был жив, он иногда брал меня к ближайшему оазису. Учил натягивать пружину самострела, вкладывать стрелу. Рассказывал, как надо целиться, чтобы поразить паука точно в голову, в нервный центр.

— Вот видишь, — говорил отец, показывая на ближайший скрюченный ствол. — Представь, что это пустынный паук. Бей точно между глаз, сынок. Так. Задержи дыхание, плавно нажимай спуск. Плавно...

Щёлк! Самострел дёргался в руках. Стрела улетала куда-то вверх воображаемого паука и исчезала среди высохших колючих деревьев.

— Да что такое! — сердился отец и отправлялся на её поиски.

До оазиса было несколько часов пути, но я любил приходить сюда вместе с папой.

Мне нравилось наблюдать за коричневыми ползущими деревьями. Их голые ветки с длинными колочками иногда смешно шевелились, словно пытались поймать проходящего мимо человека. Среди деревьев гулял ветер. Казалось, что он живой и с любопытством прислушивается к нашим разговорам. Иногда я даже боялся его ранить, когда чувствовал, что ветер разглядывает мои робкие попытки попасть по мишени.

Здесь можно было легко разжечь костер — хвороста вокруг хватало. Мы сидели с отцом друг возле друга, смотрели на потрескивающие в пламени ветки и молчали. Наверное, отец в эти минуты вспоминал маму. А ещё он рассказывал разные истории из своей охотничьей жизни.

Папа хотел, чтобы я стал охотником, как и он, но я так и не научился тогда попадать воображаемому пауку в голову. Настоящему охотнику это может стоить жизни.

— Кто оставляет такой след? — спрашивал папа, рисуя на песке ряд прерывистых точек с зигзагообразным следом посередине.

Языки костра бросали багровые отблески на рисунок. Чтобы порадовать отца, я напрягал память и отвечал:

— Это пустынная крыса. Вот это её длинные задние лапки, а вот это — след от хвоста.

— Правильно! — радовался папа. — Что ты в таком случае должен делать?

— Я должен пойти по следу и найти её нору.

— А зачем?

— Раскопаю и убью крысу. У неё прочная пушистая шкурка. А ещё — у крыс большие кладовые, куда они стаскивают разные предметы. Можно найти хорошую вещь.

— Молодец! Но про что ты не должен забывать?

— Я всё время должен смотреть, не появился ли где фонтан песка.

Если фонтан замечаешь далеко на горизонте, то ещё можешь убежать. А если

ближе... Если зазевался и вовремя не заметил, то можно не успеть до ближайшей каменной гряды, как бы быстро ты ни бежал. Мой отец не успел. Это было давно. Но я до сих пор помню наш отдых и разговоры за костром, хотя время смывает яркость воспоминаний.

Один вечер врезался в память до мелочей. До потрескивания веточек под ногами. До крика летучей мыши, стрелой взмывшей в небо у меня из-под ног. Помню, как изменилось лицо у отца, когда он увидел следы.

Цепочка отпечатков человеческих ног уходила от потухшего костра в пустыню, в противоположную от нашего Города сторону. Поднявшийся ветер заметал их песком, засыпал следы присутствия кого-то чужого.

— Здесь был путник, — прошептал отец.

* * *

— Путник! — прокричал я, вбегая на ферму.

Анрика тащила ведро со свежим молоком.

— Я слышала, что звонил колокол. Это действительно пришелец? — недоверчиво спросила она, вытирая руки о передник. — Чужак?

Никто из жителей Города не уходил дальше расстояния дневного перехода. Человеку не выжить в бескрайней пустыне.

Тогда, возле костра, папа иногда вспоминал своё детство. Про то, как приходили путники — скитальцы пустыни. Они приносили новости и предметы на обмен. Но главное — новости. Информацию о событиях в других городах, далёких и доступных лишь одному воображению. Существуют ли сейчас эти города? Мне кажется, что мы одни посреди великой пустыни. Маленькая песчинка, затерянная в бесконечных просторах.

Но путник — вот он, в доме у Старосты. Несколько минут назад я видел его запятённую одежду. Разглядывал самострел,

висящий на поясе. Смотрел на незнакомое бородатое лицо, когда чужак отстегнул защитную маску. На большие серые уставшие глаза. Он прошёл к центру Города, сопровождаемый встретившими его охотниками. Протяни руку — и дотронешься. Обычный человек. Но ещё — путник. Чужак.

— Откуда он пришёл? — шёпотом спросила Анрика. — Выходит, что мы не одиноки в пустыне, и где-то ещё, кроме Города, существует жизнь? Другие люди?

Ответа я не знал.

— Пойдём скорее, все уже там!

Все — это Стас с Крошкой.

Я взял Анрику за руку. Её ярко-жёлтые, словно полуденный песок, волосы пахли тёплым молоком. Анрика сирота, как и я. Мою маму и её родителей забрал год чёрного ветра.

Возле дома Старосты было полно народу, люди толпились на площадке около колодца. А вон Стас и Крошка. Они старше и вот-вот должны пожениться. Я украдкой бросил взгляд на Анрику.

— Он в доме со Старостой закрылся. Там охотники собрались. Все, кто сейчас в Городе, — пробурчал Стас. — А нас не пускают.

Возле двери в большой дом Старосты стояли двое охотников. Одного здоровяка с противным красным лицом звали Корк. Имя второго я никак не мог запомнить. Всегда называл его про себя Крысой за плохую привычку тащить всё, что попадает под руку. Особенно у подростков. А ты потом докажи, что это твоё. Не любил я эту неразлучную парочку. Именно с ними ходил на охоту отец, когда...

«Сынок, где бы ты ни был в пустыне, что бы ни делал, ты должен постоянно смотреть, не появился ли фонтан песка».

Над песчаными китами никто не властен. Хорошо, что они не могут добираться до Города — слишком мал уровень сыпучего песка. Слишком высоки здесь скалы под пустыней.

Сейчас Корк и его товарищ мешали любопытствующим пройти к Старосте.

— Идите, идите, чего стали! Успеете ещё наглядеться. Староста про всё расскажет. Дайте путнику отдохнуть с дороги, — кричал Корк.

— Эй, мелюзга! — зло бросил Крыса. — Почему колодец простаивает? Чего мы должны для всех охотиться, жизнями рисковать, когда в Городе одни лентяи?

В этом он прав. Надо работать — не поспоришь. Ладони обхватывают плотную рукоять. Противно скрипит ось ворота. Пятьдесят оборотов вниз, пятьдесят оборотов вверх. Вода выливается в жёлоб, по которому отправляется в водохранилище.

Пятьдесят вниз и пятьдесят вверх. До боли во всем теле. До отвращения к Городу и пустыне. До одного желания — добраться до дома и рухнуть на кровать.

Но я не вижу ни колодца, ни своих рук. Перед глазами великая пустыня и цепочка следов, тянущихся к горизонту. Какие города видел путник? Откуда пришёл? О чём может рассказать нам, просидевшим всю жизнь в одном Городе? Возможно, за горизонтом всё совсем иначе, всё по-другому? Может быть, пустыня заканчивается, и начинается... Что начинается? Вдруг там есть зелёные деревья и трава? Земля, по которой текут настоящие реки?

Воображение уносит меня вдаль. Я вижу города, сказочные и прекрасные. В них живут люди. Другие, не такие как мы. Они веселы и беззаботны. Они не умирают от чёрного ветра. Может быть, люди даже сделали вещи, помогающие им летать, словно птицы.

Куда и зачем летят птицы в месяц ветров? Огромные, свободные и прекрасные, они парят над Городом на недосягаемой для стрелы высоте. Никто не знает, откуда и куда ведет их путь. Курлыкающие призывные крики во время их полётов разносятся над всей пустыней. Зовут за собой...

* * *

В этом году месяц ветров уже закончился. Он не соответствовал своему назва-

нию — было тихо и спокойно. По небу, догоняя стаи птиц, летели белые пушистые облака. В то утро мы вчетвером сидели на крыше высокого дома. Долговязый Стас придерживал Крошку, которая примостилась у самого края и весело болтала ногами. Анрика неотрывно смотрела на стаю, пролетающую над Городом большим клином.

— Посмотрите, — сказала Анрика, — их ведёт вожак. Неужели он один знает, куда надо лететь?

— Не думаю, — ответил я. — Может быть, он просто самый смелый.

— Как Стас, — рассмеялась Крошка.

— Да, наверное.

— Ну почему у нас нет крыльев? — встрепенулась Крошка. — Вот прямо сейчас взяли бы и улетели.

— Эй, поосторожнее, птичка, не упади, — забеспокоился Стас. — Разлеталась...

— Я маленькая и лёгкая, что мне сделается? Тут и падать-то некуда.

— А я бы и вправду улетела из Города, — тихо проговорила Анрика. — А ты, Лесс? Ты бы смог уйти?

Я хотел сказать, что вместе с ней готов бежать хоть на край света, но поймал её серьезный взгляд...

— Да, — ответил я. — Смог бы. С тобой.

— А давайте все уйдём из Города! — сказала Крошка. — Что нас тут держит?

В это время крылатый вожак закричал, и птицы ещё долго-долго перекликались друг с другом, пока не скрылись за горизонтом. Мы с Анрикой больше не возвращались к тому разговору, но я, порой встречая её пристальный взгляд, знал, о чём она думает...

* * *

— Очнись. Очнись, Лесс! Что с тобой? Совсем замечтался. — Анрика теребила меня за плечо. — Ветер! Не видишь — буря начинается!

— Анрика...

Я с удивлением посмотрел на свои ладони с натёртыми мозолями и следы крови на ручке ворота.

Буря налетела на Город неожиданно. Ветер долго подкрадывался, стелясь над песком, стараясь не выдать себя неосторожными порывами. Уже перед Городом он встал на дыбы и в полную силу обрушился на прижавшиеся друг к другу дома. Улицы оказались в его власти. Ветер выл и хлестал песчаной крупой по крепким стенам. В ярости он пытался поймать хоть кого-то из людей, не спрятавшихся от буйства стихии.

— Я зашла к тебе, а тебя нет! — старалась перекричать ветер Анрика. — К Стасу — у него только Крошка сидит! Ты с ума сошёл! Зачем столько работать? Тебя давно должны были сменить. Ой! — схватилась она за щеку от укола острого камня.

Возле дома Старосты никого. Охотники укрылись внутри. Площадка у колодца опустела. Лишь ветер, поднимающий потоки колючего песка, и мы.

— Домой не пойдём! — задыхаясь, закричал я. — К Старосте, быстрее!

Мы вцепились, вжались в холодную стену, прильнули к ней, как к лучшей защитнице. Одной рукой я держал Анрику (потом на её руке останутся синяки), прикрывал от летящих камней. И мы шли. Вопреки ветру, бьющему в лицо.

Провал двери очень близко...

Три шага...

Два...

Может быть, от голода он совсем потерял осторожность. Может быть, поджидал добычу невдалеке, и буря застала его врасплох. Но сейчас ветер и летящие камни гнали его по улице Города. Восемь лап скользили по бегущему песку и тщетно искали опору.

Пустынные пауки — наши враги. И добыча, если уметь правильно приготовить их мясо. При встрече в пустыне победителем оказывается кто-то один. Либо ты, либо паук. Других вариантов быть не может. Сейчас паук боролся за жизнь, ста-

раясь скрыться от убийственного ветра. Но он увидел двух прижавшихся к стене людей, и инстинкт хищника победил. Передними лапами паук успел схватиться за стену, зацепился, и вот уже пустынный хищник ползёт позади нас. И гораздо быстрее — обязательно догонит.

А до двери целых два шага. Не успеть.

«Сынок, тебе уже шесть лет. Совсем взрослым стал сын охотника. А знаешь, без чего не обходится ни один настоящий мужчина? Держи подарок. Я сам выковал пружину».

«Ой, папа, самострел! Спасибо!»

Он всегда висит у меня под курткой. Маленький по сравнению с другими самострелами. Но такой же смертоносный.

— Держись! — крикнул я Анрике, отпустил её руку, прижал девушку собой к стене, укрыл от кинжальных камней. Ветер унёс прочь мои слова.

Почему я спокоен, и свободная рука, достающая самострел, не дрожит?

Паук замер, словно почувствовал опасность. Зашипел. Красные глаза буравили меня взглядом. Большим пальцем я сбросил предохранитель. Хорошо, что ветер дует в спину и не мешает выстрелу.

Мысль — вспышка, мысль — стрела.

«Бей точно в голову, сынок. Задержи дыхание. Плавно спуск... Эх, опять промазал!»

Мгновение — и мысль ушла. Как и не было.

После того, как маму забрал чёрный ветер, после того, как пески поглотили отца... Я просыпался раньше всех в Городе. Выходил к одинокой мишени позади дома. Натягивал пружину и, глотая слезы, стрелял. Затем подбирал улетевшую мимо мишени стрелу, натягивал пружину и снова стрелял. Снова и снова... Пока, наконец, не стал выдергивать стрелу из чёрного нарисованного центра.

Я никогда не стану охотником. Но отец всегда хотел, чтобы я попадал в цель.

Щёлк! Стрела вошла в голову паука точно между глаз. В нервный центр. Длинные

лапы ослабли, разжались, и ветер погнал мертвого паука, ударяя о стены домов, как мешок, наполненный требухой.

Анрика что-то пыталась сказать, но я не понимал её слов. Губы девушки беззвучно шевелились. На мгновение наши уста встретились, и мы ввалились в дом Старосты.

За дверью бесновался ветер, так и не получивший желанной добычи.

* * *

Дом Старосты — самый большой в Городе. Здесь мы собираемся на учёбу, здесь в старых шкафах хранятся знания. Длинный коридор ведёт вглубь под землю к нескольким залам.

Сейчас тёмный проход был пуст. Из-под приоткрытых дверей большой комнаты пробивалась узкая колеблющаяся полоса света, и слышался тихий разговор. Я прокрался к двери, заглянул в щёлку, поманил к себе Анрику.

Многие охотники укрылись в доме от бури. Одни сидели полукругом на скамейках, другие разлеглись прямо на полу. Корк устало стоял, опершись о стену. Возле Старосты сидел путник. В его глазах плясали отблески горящей на столе свечи, но, казалось, что взгляд чужака устремлён куда-то далеко, мимо толстых стен каменного дома. Он пронизывал бурю и терялся там, за горизонтом, в неведомых даях.

Путник рассказывал:

— Жители того города разжигают костры на рассвете, и огненные ящерицы приходят на свет пламени. Они садятся вокруг костров, смотрят на огонь, и тогда местные охотники с лёгкостью их убивают. Тот город не знает бедности. Из него отправляются караваны кораблей, везущих прочные шкуры и вяленое мясо. На каждом корабле установлен штырь, погруженный в песок. Человек постоянно бьет по штырю, и тогда по пустыне уходят волны звуков: «у-у-ум, у-у-ум», отпугивая китов.

Путник помолчал, все заморожено слушали.

— Караваны едут далеко, человек должен идти целый месяц, чтобы пройти такой путь пешком. В условленном месте корабли встречают жители Небесного города, ради этого опускающегося на землю. В том парящем над пустыней городе растут настоящие зелёные деревья и благоухают цветы. Там постоянно звучит музыка, так как местный правитель содержит целый оркестр музыкантов. Правда, в Небесный город не пускают чужаков, и я там не был.

— Но зато я бывал восточнее летающего города, в землях песковиков, — продолжил путник. Его речь плавно текла и завораживала. — Добрался туда по карте. Песковики похожи на людей, но людьми не являются. Они свободно проходят сквозь песок, а живут в глубине под пустыней, в подземных каменных пещерах. Во мраке у песковиков светятся глаза, солнце им не нужно, так как они прекрасно видят в темноте. Во тьме пещер они живут, растят детей и умирают, поколение за поколением, как и мы на поверхности.

Жаль, что карту путника в дверную щель разглядеть было нельзя. Но, по-моему, он её ни разу и не разворачивал, и карта лежала в его руках простым свитком.

— Чем дальше на восток, тем выше поднимаются подземные камни. И в конце концов есть такое место, где горные пики торчат над песком. Казалось бы — вот он, камень, можно брать столько, сколько потребуется. Но горы те так крепки, что отколоть кусок не под силу ни одному человеку. В тех местах свирепствуют страшные бури, и песчаные приливы разбиваются о выступающие пики, поэтому люди там не живут. Если выбрать время между порывами ветра и забраться на гору... Море! Оно лежит с той стороны горной гряды, защищённое от ветров и песка. Но не от солнца. Море почти высохло, превратившись в болото, которое за мгновение засасывает любой упавший предмет. Лишь грязевые

драконы — крайне опасные создания — живут в том болоте. Синяя полоска воды видна на горизонте. Она блестит в лучах солнца, манит своей недоступностью, так как ничто живое, не обладающее крыльями, не может до неё добраться. А вы знаете, куда летят стаи птиц, проносящиеся над вашим Городом?

В этот момент обзор мне закрыл поднимающийся с пола Крыса.

— Мне кажется, что за нами кое-кто наблюдает, — сказал он и резко распахнул дверь.

Но меня и Анрики около неё уже не было. Громыхая, мы выбежали из дома Старосты, окунулись в порывы ветра и песка. На наше счастье, буря уже истощила силы в безрезультатных попытках разрушить Город и была не опасна. Мы бежали по улицам, и наши сердца бешено колотились в созвучии друг с другом.

* * *

— Уйдём, сегодня же и уйдём, — в запале сказала Крошка.

Мы сидели в доме у Стаса, и Анрика в который раз пересказывала друзьям нашу историю.

— Уговорим путника взять нас с собой, — добавила Крошка, — и уйдём!

— Я тоже не хочу здесь жить, — сказала Анрика. — Как мы можем существовать в тесных стенах Города, когда на карте путника нарисовано столько чудесных мест? Как мы вообще могли прожить здесь всю свою жизнь до сегодняшнего дня?

— Старосте это не понравится, — тихо произнес Стас.

— А если путник не возьмет нас с собой? — спросил я. — Вдруг навсегда захочет остаться в Городе?

— Тогда уйдем сами! — сказала Крошка.

— Ага — до первого песчаного кита, который нас съест, — развеял я мечты. — Без карты путника, на которой указаны поднимающиеся к поверхности каменные гряды, в пустыне не выжить.

— Надо идти и просить его взять нас с собой прямо сейчас! Либо достать карту и скопировать.

— Ночью?

— Да! Спрячемся и будем дежурить, чтобы путник без нас не ушёл.

— Решено, — подытожил Стас. — Идём.

Ночной Город пуст и безмолвен, лишь качается, скрипит на ветру возле колодца одинокий фонарь с горящей внутри свечой. Над Городом — огромная, на половину неба, луна. Кажется, что весь песок в пустыне шевелится в её холодном свечении, рвётся в небо.

Мы сидим тихо-тихо, спрятавшись за стеной пустого дома. Ждём.

Раздался едва слышный стук. Ночная бабочка бьется о фонарь? Нет. Рука Анрики крепко сжала мою ладонь — это слышны шаги и тихие голоса в доме у Старосты. На пороге появился путник, а следом за ним седой старик — наш Староста. Последним вышел Корк.

Путник некоторое время любовался небом.

— Красивая сегодня луна, — наконец сказал он.

— Такая, как и каждый день, — буркнул Староста. — Собираешься уходить?

— Пока нет, — ответил путник, — хочу немного у вас пожить.

Они помолчали.

— Зачем ты это всё рассказывал? — спросил Староста, глядя в глаза путнику. — Эти свои небылицы.

— Небылицы?

— Дурак! — воскликнул старик. — И ты, и я прекрасно знаем, что это всё ложь. Пустыня мертва! А ты прячешься за своими красивыми сказочками, живёшь глупой мечтой.

Путник не отвёл взгляда от колючих глаз старика.

— Да! Живу! Каждый человек имеет право на мечту, в том числе и жители вашего Города. Думаешь, сидеть в этом умирающем месте лучше, чем жить с мечтой в душе?

— Чтобы умереть с мечтой в душе! Если кто-то решит уйти с тобой в пустыню, наслушавшись твоего бреда, то его там ожидает только смерть. А дети? Считаешь, что они не побегут в пасти к китам после твоих сказочек? Тебе не приходит это в голову, когда ты рассказываешь свои небылицы? Убирайся! Уходи прямо сейчас!

Путник покачал головой.

— Нет, я не могу уйти один, — тихо сказал он. — Я такой же упрямый, как и ты. Мне нужны спутники, чтобы продолжить поход к краю пустыни.

— Эх! — Староста махнул рукой. — Дурак! Корк, ты знаешь, что делать...

Старик вошёл в дом и хлопнул дверью, Корк с путником замерли друг против друга. Их руки застыли возле висящих на поясах самострелов.

Как? Как нам быть? Казалось, что грохот наших сердец разносится по всей площади. Ногти Анрики впились в мою ладонь.

Мгновение — и всё произошло. Корк выхватил самострел, но путник успел первым. Щёлкнула пружина. Корка отбросило в сторону. Одновременно раздался второй щелчок, и стрела пробила тело путника. Со спины. Зазубренное острие вышло из груди, тёмная в свете луны кровь брызнула на песок.

Я зажал Анрике рот.

— А-а-а, дьявол, он мне руку прострелил, — извивался Корк, пытаясь вытащить стрелу.

— Ну-ну, всё могло быть и хуже, — сказал Крыса, выходящий из темноты брошенного дома.

Мы вжались в песок. Крыса прятался буквально в десяти метрах от нас.

— Зачем вы поспешили? Я бы всё равно пристрелил эту падаль, как и собирались. — Крыса наступил ногой на мёртвое тело и выдернул стрелу.

— Больно, д-дьявол!.. — стиснув зубы, простонал Корк. — Займись вещами, а тело — в пустыню.

— Не впервой, не учи ученого, — ухмыльнулся Крыса.

Корк поднялся и, шатаясь, вошел в дом. Крыса перевернул тело путника и принялся рыться в залитой кровью одежде. Довольно хмыкнул, видимо, нашёл что-то ценное. Достал из кармана маленькую окровавленную книжку, покрутил в руках и бросил в груды веток. Туда же последовала и опустошённая сумка вместе с картой. Чиркнуло огниво, загорелось пламя. Крыса схватил тело путника за ноги и потащил в нашу сторону.

Я снял самострел с предохранителя. Показалось, что лязг металлической скобы эхом прокатился по площади. Крыса замер и насторожился. Он всматривался в темноту и словно даже принимался к запахам. Наконец, охотник быстро-быстро поволок мертвого путника, взяв несколько правее, и исчез во мраке между домами. Я выскочил из укрытия, бросился к костру, выхватил из него сумку и книжку, затоптал трещавшее пламя.

Вперёд! Надо быстрее бежать с этой площади, пропахшей кровью.

* * *

— Они придут за нами, — плакала Крошка.

Стас её обнял, плечи девушки вздрагивали в такт тихим всхлипываниям.

— Не придут. Нас никто не видел, — шептал Стас, прижав к себе Крошку и гладя её по русым волосам.

Я встретился взглядом с Анрикой, достал из обгоревшей сумки карту, развернул. Руки дрожали. В глазах рябило от значков и линий. Вот нарисован город, но не наш — чужой. Город перечёркнут чёрными линиями — крест накрест. Вот ещё город — и снова крест. Ещё и ещё...

Кресты, соединённые пунктирными линиями невидимых дорог, покрывали всю карту. Они сидели, словно пустынные пауки, вцепившись в бумагу скрюченными лапами. Перечёркивали надежду.

Я схватил книгу-дневник убитого путника. Обгоревшие страницы скрывали

написанную историю. Можно было прочитать лишь несколько строчек в начале и в конце дневника.

«Уровень песка поднялся, кит сумел добраться до города. Города больше нет. Все погибли. Я выжил. Ухожу в пустыню».

И ещё...

«Весь мир мёртв. Города мертвы. Болельщики, чудовища и песок поглотили их всех. Везде только смерть. Я один во всей пустыне».

Кресты, уничтожившие города на карте, плясали перед глазами.

Путник так и не успел сделать следующую запись в дневнике — про наш Город.

Нет больше пустынных кораблей и летающих городов. Нет песчаного народа и высыхающего моря. Больше ничего этого нет...

И не было.

— Он всё это выдумал, да? — тихо спросила Анрика. — Он соврал?

— Путник подарил нам свою мечту, — ответил я. — Рассказал про то, во что хотел верить сам. Он жил надеждой.

Я обвел взглядом Анрику, своих друзей — Крошку и Стаса.

— А карта... Это ведь всего лишь карта. На ней всегда можно нарисовать свой собственный путь.

— Мы всё равно уйдём, да? — посмотрел на меня Стас.

— Да, — сказал я.

А утром они передумали, Стас и Крошка. Они остались в Городе. А я и Анрика ушли.

Собравшись, ушли на рассвете туда, куда летят в месяц ветров огромные свободные птицы...

Евгений Дрозд
ПРИЗРАКИ

ПОДМОСТКОВ

Говорят, психоаналитики в Штатах за сеанс берут чуть ли не штуку баксов. Дорого американцы ценят возможность полежать на кушетке, выбалтывая чужому дяде всю свою подноготную.

У нас всё-таки и проще, и дешевле — берешь пузырь, идешь к приятелю и изливаешь душу. Вот и весь наш психоанализ. Нет приятеля — так и вообще первому встречному-поперечному.

Римляне-то древние в своё *in vino veritas* никаких метафизических глубин и размышлений о смысле жизни не вкладывали, а имели в виду лишь то, что человек во хмелю всё, как есть, тебе выложит, без утайки.

В кафе «Театральное», что на улице Максима Богданорького, я зашел скоротать полчаса до назначенной встречи. Взял себе чашку кофе и бутерброд, намереваясь тихо-мирно посидеть за столи-

ком в пустом зале. Не тут-то было. Только сделал глоточек «эспрессо», только на бутерброд нацелился, а он уже подходит, покачиваясь, и подсаживается напротив меня без приглашения, и всё при нем — и тарелка с бутерами, и стопарик, и графинчик с водкой.

— Жопа! — таково было его первое слово.

— Очень приятно, — отвечаю, — а меня Василием кличут.

Но он моего тонкого юмора не замечает, а развивает тему:

— Полная жопа!

Начинают мелькать мысли про маньяков, да как бы половчей от него избавиться, но тут же и исчезают, ибо я, к вящему удивлению, узнаю в своём «визави» (*vis-a-vis*), знаменитого театрального режиссёра, чьи фотографии не сходят с газетных страниц, посвященных новостям культуры. В своё время руководил экспериментальным молодёжным театриком и был широко известен лишь в очень узких кругах, а потом вдруг резко поменял ориентацию и начал ставить классику, причем исключительно Шекспира, да так, что народ к нему валом повалил, и на каждый спектакль лишний билетик за десяток кварталов до театра спрашивали.

— Что ж вы, — говорю, — Мстислав Гедальевич, как же это — чтобы у вас да проблемы? Не поверю...

Бражко-Буйницкий (это его фамилия) смотрит на меня с горько-ироническим прищуром, тяжело вздыхает, опрокидывает стопарик, занюхивает хлебной крошкой и начинает изливать душу. Причём, если на походку его алкоголь явно повлиял, то на плавность речи — ни в малейшей степени.

Всё, по его словам, началось, когда с самого верха был спущен указ о переводе всех театров страны на самокупаемость. («А где вы в наше время найдете театр, который «самокупается», а?»). Труппу его

Евгений Дрозд родился в 1948 году. Один из наиболее ярких представителей белорусской фантастики, переводчик, критик. Член Союза писателей Беларуси. Живёт в Минске, Беларусь.

экспериментального театрика, которую до того худо-бедно подкармливало министерство культуры, пришлось распустить, ибо спонсоров во времена перманентного кризиса найти невозможно. И остались они вдвоем с женой-бухгалтером, ведавшей всеми финансовыми делами труппы, думу думати да горе горевати.

— ... и тут появился ОН... — по голосу слышится, что «он» следует произносить заглавными буквами. Лицо режиссёра становится строгим, глаза обращены внутрь, в неведомое мне прошлое.

— Кто — ОН?

— Арнольд... Арнольд Кириллович Шугало, маг и волшебник. Ну, а по-современному — медиум и экстрасенс. Надо сказать, познакомились мы с ним здесь же, в этом вот заведении, где я горе заливал, а он как бы сочувствие проявил, поскольку без денег был и надеялся, что я ему налью. Почему не налить? Налил... И всё ему про свои беды выложил, а он вдруг как-то подобрался, и взгляд какой-то жуткий стал, и заявил, что запросто помочь может и соберет мне такую труппу, что даром работать будет. «Самодетельность, что ли, предлагаешь? — спросил я. — Так не по адресу обратился, я только с профи работаю...». Он ухмыльнулся этак зловеще и многозначительно, и заверил, что это будут профессионалы высшей пробы. Он, дескать, медиум и может вытаскивать из потустороннего мира призраков любых людей, живших во все времена. В том числе величайших актёров всех времен и народов.

Режиссёр сделал паузу.

— Знаешь, Вася, если бы я не под этим делом был, — он щелкнул ногтем по графину водки, — да если бы не положение такое отчаянное, ни за что не ввязался бы в эту авантюру, а так вот — поверил. Ну, разумеется, устроил ему проверку — уже по трезвяни. Пригласил к себе домой, и он перед аудиторией из меня и моей жены вызвал призрак великого нашего исполнителя Гамлета — Мочалова. И никогда ещё в жизни своей я не слышал и не видел

такого исполнения «Быть или не быть»! Никогда! Уж на что жена моя скептик — как и положено в её профессии, но и она в полном восторге была. Мы только спросили, сколько призраков он может одновременно на сцену вызывать. «Да сколько нужно...» — лихо ответил Арнольд. Ну, мы и решили, раз так, начать с постановки «Гамлета». Имелись, правда, две заковыки. Арнольд заявил, что ему нужно постоянно находиться на сцене, причём лицом к аудитории, чтобы держать под контролем весь зрительный зал, а во-вторых, призраки не могут играть призраков же. То есть тень отца Гамлета должен живой актёр играть. Это ни мне, ни супружнице моей не понравилось, мы уже настроились, что будем всю прибыль на троих делить, да и опасно кого-то постороннего привлекать — разболтать может. Но я эту проблему одним махом решил. «Ты, Арнольд», — сказал я, — «и будешь эту тень играть. А уж чтобы ты на сцене всё время находился, позабочусь — режиссёр я или нет?!». И позаботился. Актёр Арнольд, конечно, никакой, но произнести замогильным голосом пару-тройку фраз любой сможет. И всю фальшь можно будет отнести на то, что ведь привидение говорит... А насчёт нахождения на сцене, нашел я такое решение — устроили на самом верху кулис подвесную люльку в виде королевского трона, он там и сидел — наряженный и загримированный подобающим образом — на протяжении всего действия. Критики от такой режиссёрской находки кипятком писали, даже такие суровые театроведы, как Рыгор Пакута и Змитрок Рабусь. Уж не помню, кто из них писал, что «... постоянное присутствие над головами персонажей этой зловещей тени, нависающей подобно дамокловому мечу или чеховскому ружью, заставляет обращаться к самым глубоким экзистенциальным пластам нашего «эго»... Да... Правда, когда, уже в «Макбете», мы этот фокус повторили с призраком Банко, те же критики кривили рот и цедили сквозь зубы, что, мол, тира-

жирование пусть даже и удачного приёма, не есть хорошо, и свидетельствует о творческом застое постановщика. Ну, я на это отмалчивался, когда меня журналисты по этому поводу пытали. Я-то знал, что у меня во всех моих постановках всегда и постоянно будет присутствовать нависающий призрак, и это уже будет не тиражирование приёма, а концепция, бренд, авторская фишка. И те же самые критики снова начнут искать в этом неизъяснимые философские глубины. Да...

Свой первый спектакль в каком-то заводском клубе мы дали фактически бесплатно — раздавали контрамарки всем, кто только мог дать оценку и выработать мнение. Критики, журналисты... да просто заядлые театралы. Разумеется, нам пришлось озаботиться тем, чтобы никто не проносил с собой фотокамер и телефонов — первый же снимок всё раскрыл бы и показал, что сцена-то пустая, даже декораций нет, кроме болтающегося в высоте трона с Арнольдом, который все нужные образы транслировал прямо в мозг зрителям. Прессе мы наплели — тут я воспользовался своей репутацией режиссёра экспериментальных театров, — что наши актеры из неких высших соображений желают сохранить анонимность, запрещают даже указывать свои имена в афишах и программках, а посему фотографировать в зале строжайше запрещено и телефоны с цифровухами следует сдавать в гардероб под гарантированно усиленную охрану. Впрочем, все эти предосторожности лишние были — Арнольд и его духи так работали, что на протяжении всего спектакля никому даже в голову не приходило отвлечься на что-то другое.

И самое же первое наше представление произвело бешеный фурор. Понимаешь, Вася, я сам сидел в зале, и хотя прекрасно знал, что на сцене никого, кроме Арнольда, нет, я их видел и слышал! И как они играли, как играли! Это было божественно. Арнольд не врал, он действительно извлекал из потустороннего мира лучших

из лучших. Ты же понимаешь, для актера игра — это всё, в этом вся его жизнь, он без этого, как наркоман без своего зелья. Уж и не знаю, где они там, по ту сторону бытия, пребывают, но, похоже, там они лишены этой радости, а Арнольд им давал возможность снова обрести себя. Вот они, как говорится, и отрывались по полной.

«Сарафанное радио» сработало безотказно, на следующий день все театральные круги гудели, и мы уже смогли арендовать прекрасный театральный зал в Офицерском собрании, да и цену за билеты подняли прилично, чтобы и аренду оплатить, и билетёрш с гардеробщицами не обидеть. Анонимность наших таинственных актеров и то, что никто из журналистов не мог заполучить ни одного из них для интервью, только подогревало ажиотаж. И дальше все наши постановки шли на аншлаге. Какое было время! У спортивных обозревателей и тренеров есть такое выражение «dream team» — «команда мечты». Вот если взять нападающего из этой команды, защитников из той, а вратарем поставить такого-то, то это и будет дрим-тим. А я вот мог собирать труппу по этому методу — вытаскивать из пучин времени великих актеров вроде Гаррика, Сиддонса, Кина, знаменитых исполнителей шекспировских ролей Макреда, Ирвинга, Терри... Добавлять наших — того же Мочалова, Смоктуновского или Володю Высоцкого, составлять из них любые мыслимые комбинации и смотреть на их божественную игру...

— Но как же вы языковой барьер преодолели? — спросил я. — Все эти гаррики и кины вряд ли русский знали. А наши актеры — староанглийский.

— Так ведь через Арнольда все эти духи напрямую на психику зрителей воздействовали. Как он мне объяснял — в мозгу есть две зоны, ответственные за речь — зона Вернике и зона Брока. Грубо говоря, зона Брока отвечает за слова, а зона Вернике — за их смысл, за семантику. Ну, так он прямо к зоне Вернике подключался. Все сидящие в зале, даже если б там

приключились папуасы или эскимосы, были убеждены, что спектакль ведется на их родном языке. Так что у нас все были счастливы — и космополиты-глобалисты и национально озадаченные. Господи! Как хорошо-то было!

Он замолчал и, уставившись в пустоту, наполнил стопарик водкой и мрачно его всосал.

— Так что же случилось? — осторожно спросил я. — Если всё так хорошо шло, почему нельзя продолжать?

— А то случилось, друг мой Вася, что сверху довели до нас высочайшее мнение, что классика — это, конечно, хорошо, но не пора ли завязывать с этой иностранщиной, не пора ли обратиться к родным корням и истокам, причем как можно ближе к современности, и чтобы непременно с национальным самосознанием.

— Что за чушь? — возмутился я. — Вы же независимый, самокупаемый театр, кто вам может указывать?

— Могут, Вася, могут. Не прямо, конечно. Я же тебе сказал: до нас довели мнение. А надавить, чтобы мы к этому мнению прислушались по-разному можно — вдруг начнут нам в аренде помещений отказывать или финансовую проверочку устроят. Жена моя, конечно, гений по этой части, она как-то ухитрилась устроить, что мы вполне законно втроем получали все актерские гонорары (ведь не призракам же их отдавать!), но серьезного аудита нам не выдержать.

— Ну, а если действительно взять каких-то современных авторов?

— А где ты найдешь современную пьесу, чтобы там призрак действовал?

— А если по Короткевичу постановки сделать — «Черный замок Ольшанский» или «Дикая охота короля Стаха»?

— Так ведь там призраков настоящих нет, там под конец все рационально объясняется.

Мы замолчали, он допил остатки водки из графинчика, я выпил свой остывший кофе.

— А Арнольд сейчас переговоры ведёт... — внезапно произнес Бражко-Буй-

ницкий. — Одна только надежда на его экстрасенсорные способности, может, сумеет как-то воздействовать... Да нет, безнадёга все это...

— На кого воздействовать?

— На того, кто довёл до нас это самое мнение... О, вот и он.

Я обернулся и увидел, что к нашему столику подходит человек весьма выразительной внешности. Из тех, про кого не скажешь, что он сможет укрыться за флаш-током. То есть туловище-то скроется полностью, если он станет в профиль, но вот нос будет торчать. А глаза такие, что не забудешь — близко посаженные, горящие каким-то тёмным пламенем. Взгляд пронизывающий.

Режиссёр, уронив стул, стремительно поднялся и бросился навстречу Арнольду. Между ними произошел не слишком долгий приглушенный разговор, лицо Бражко-Буйницкого просветлело, и он, взяв медиума под локоток, повлёк к выходу. Разумеется, про меня он уже и думать забыл...

Но у самой двери резко остановился, крутнулся на пятках и уставился на меня жёстким взглядом. Ага, дошло, наконец, что откровенничать с посторонними может быть и опасно.

Мягким кошачьим шагом режиссёр вернулся к моему столику.

— Э-э, Василий, друг мой. Я тут наговорил много всего, но...

— Ни слова, Мстислав Гедальевич! Я всё понимаю. Я буду нем, как рыба, никому ни слова, но не просто так, вы же понимаете...

Лицо его сделалось несчастным.

— И что же вы хотите за молчание?

— Не пугайтесь, Мстислав Гедальевич, всего лишь абонемент на все ваши постановки — и даже не контрамарки, я могу заплатить, просто билетов на ваши спектакли не достанешь. И ещё — похоже, ваш Арнольд нашёл какой-то выход? Не расскажете, что вы будете ставить?

Он расслабился.

— Да, он смог уломать всех этих вышестоящих. Объяснил, что так быстро современную постановку нельзя сделать, но что, мол, два наших самых выдающихся современных драматурга, Кастусь Сциплы и Алесь Камюкадзе, уже пишут для нас пьесы на современную тему, ну а пока, как паллиатив, мы будем ставить классику советского периода — пьесу Янки Навошты «Светлая гать». Дело в том, что там речь идёт о родных местах одного из высочайших лиц, чье мнение мы должны учитывать. Это их успокоило.

Может, чиновников высокого полёта это и успокоило, но я поразился.

— «Светлая гать»?! Но ведь в ней Янка Навошта рассказывает о послевоенном колхозном строительстве в Полесье, об осушении торфяных болот и о происках вредителей... Какие там к черту призраки?

— Да сам не знаю, Арнольд говорить отказывается, но уверяет, что призрак обязательно будет. Так что следите за афишами.

Он быстро написал на вырванном из элегантного блокнотика листке несколько строк, вручил мне его и откланялся.

Всё-таки он выписал мне именно контрамарку, причем на все свои постановки.

* * *

За афишами я, разумеется, следил, но надо же было такому случиться, что как раз в день премьеры, которая должна была состояться в только что отреставрированном здании одного из самых старых наших театров, у меня организовались дела, которые я никак не мог отложить или перенести. Так что к началу спектакля я никак не успевал, но утешал себя, что, может быть, хотя бы к концу первого акта успею.

Успеть-то успел, да только в театр попасть мне было не суждено. Уже на подходе к театру, когда во всю прыть нёсся по старинной улице Подгорной, я услышал странный шум, совершенно неуместный в такое время и в таком окружении. А когда подбежал к углу, где вход в метро и откуда свежеставрированный театр

открывается во всей своей красе, я увидел, как распахивают тяжёлые театральные двери — и меня оглушила звуковая волна мощного коллективного вопля, доносящегося изнутри. А затем из дверей побежали люди. Бледные лица, выпученные глаза, оружие мужчины и визжащие женщины, выражение ужаса на всех, без исключения, физиономиях. Исход длился минут десять, и оставалось только удивляться, как это никого при таком паническом бегстве насмерть не затоптали?! Народ выбегал из театра и резво разбежался во всех направлениях, похоже, у каждого на уме было одно стремление — оказаться от театра на как можно большем расстоянии. И вскоре перед прекрасным зданием не было уже никого, воцарилась тишина, только где-то в глубине здания причитал женский голос — возможно, испуганная гардеробщица голосила. Да, похоже, на этот раз Арнольд превзошёл самого себя. И что же такое страшное он им всем показал?.. Я, не решаясь зайти внутрь, стоял на площадке перед главным входом, на асфальте, усеянном сломанными каблуками, потерянными в ходе бегства дамскими сумочками и театральными биноклями.

Наконец из дверей вышел, покачиваясь, сам Бражко-Буйницкий в совершенно растерзанном виде, со сбившимся галстуком, оторванными пуговицами и растрепанной шевелюрой. И с выражением полного отчаянья на лице.

— Это пипец! — сказал он мне, без сил прислонившись к дверному косяку. Глаза его бегали, он, казалось, никак не мог сфокусировать взгляд. — Полный пипец!

— Да что, случилось-то, Мстислав Гедальевич? — закричал я. — Что — призрак такой страшный оказался?

— Ага. Страшный.

— Да кого же вызвал этот ваш Арнольд? И вообще, какой призрак может быть в пьесе о коллективизации на Полесье?!

— Призрак коммунизма...

Клиффорд Болл

Дуар Проклятый

Нионе из династии Краллов, правительница Йгота, сидела на троне красиво изогнувшись, но по-мужски: локоть упирался в колено, а подбородок в кулак. Перед ней в кольце стражников стоял рослый человек с непокрытой головой. На его бронзовое полуобнажённое тело были взвалены тяжёлые цепи. Многочисленные рубцы и порезы показывали, с каким трудом удалось захватить его в плен. И, тем не менее, мужчина как ни в чём ни бывало смотрел поверх головы королевы на багряно-золотые гобелены, словно они целиком поглотили его внимание. Опускаться на колени он явно не спешил, и белокурая красавица, занимавшая трон, быстро теряла терпение.

— Говори, собака! — сердито велела она. — Шевели языком, а не то мои палачи пошевелят его щипцами!

Пленник счёл за лучшее подчиниться и ответить. Но без лишней суеты. Вначале его взгляд медленно переместился со стены на стражу, а со стражи, ещё медленней, на цепи...

— Да уж!.. — наконец произнёс пленник глухим голосом. — Тебе лучше воином быть, чем любовницей.

Стражники беспокойно вздрогнули, загремев цепями. Две рабыни скорчились у подножия трона, их смуглая кожа побледнела. Королева Нионе разом утратила и величественную осанку, и самообладание.

— Я не любовница! — яростно воскликнула она громче иной уличной торговки. — Ты скоро узнаешь, тварь,

Клиффорд Болл (1907? — 1947?) — американский писатель фантаст. Подробнее смотрите на стр. 47

кто я такая!.. Я выжгу на тебе своё имя огненными буквами!

— И я унесу его куда подальше, твоё величество, — безбоязненно прервал её пленник. Лёгкий изгиб его губ исключал всякое смирение.

— Не дальше рабских галер, собака! — усмехнулась Нионе. — По отметинам на твоей спине я вижу, что ты уже бывал там. И успел почувствовать тяжесть кнута.

— Конечно. А ещё я успел почувствовать тяжесть короны. Видно, она чуть легче, раз отметина от неё уже стёрлась.

Узник улыбнулся, и в сиянии белых зубов пропала вся угрюмость его загорелого лица — так луч света преображает мрачное поле битвы. Один из стражников раздражённо дёрнул цепь. Улыбка исчезла, пленник повернулся к своему обидчику, пряча обещание убийства за безмятежностью синих глаз. Стражник нервно переступил с ноги на ногу, и королева Нионе, заметив это, не сдержалась:

— Болваны! Кого набрали в мою стражу? Танцовщиц из Ниемы?

— Трое из них уже пляшут в Аду, — будто ни к кому не обращаясь, сказал пленник.

— А есть ли у тебя имя, о могучий? — насмешливо спросила Нионе.

— Меня зовут Дуар...

Королева Йгота поникла на своём уютном троне: всю её злость, как пену, смыло волной удивления. Рука непроизвольно поднялась к неожиданно побледневшему лицу. Стражников, ранее просто испуганных, теперь охватила настоящая паника, как будто они по ошибке поймали жуткую белую обезьяну с барсумских холмов и теперь не знали, как от неё избавиться. Каждый попятился к самому концу цепи, которую держал. Потом они постарались отойти ещё дальше, не отпуская при этом железные оковы, чтобы не подвергать лишней опасности себя и свою королеву. Дуару пришлось вытянуть руки, ибо цепи угрожали разорвать его на части.

— Я вижу, Нионе, — сказал он с насмешливой гримасой, — что даже в этой варвар-

ской стране обо мне наслышаны... — Он рассерженно встряхнул длинной гривой чёрных волос. — Скажи своим шакалам, чтобы они так не упирались, пока я не переплёл их кости с этими железками!

Нионе жестом отдала приказ. Стражники осторожно шагнули ближе, ослабляя натянутые цепи. И всё же, на всякий случай, самый недоверчивый из них приставил остриё меча к затылку Дуара.

— Зря вы меня так боитесь, — сказал узник. — Тех троих на горном перевале я был просто вынужден убить. Они же первыми напали на меня. Да уж, отличный приём оказывают гостям твоего королевства!

— Дуар Проклятый! — выдохнула Нионе. — Какой же бес тебя сюда занёс?

— Ну, это был не бес, а всего лишь мои бродяжки наклонности.

— Дуар, твоими наклонностями управляют бесы! Даже мы в этом укромном горном королевстве слышали о твоих приятелях из Ада. Откуда взялся тот кровавый дождь, который заливал корское поле битвы и ослеплял сивианцев, пока твои сторонники резали их на куски? А тот огромный чёрный ворон, который кружил над твоей галерой, когда ты грабил кремское побережье? Почему горы Фувии вдруг сами собой обрушились на твои крепости, мощный ураган уничтожил твои деревни и поля, а бушующее море начисто смыло твоё королевство? Что стубило страну, чей трон ты захватил с помощью своих бесовских полчищ? Ответь мне!

— Ну, я этого и сам не знаю, — передёрнул плечами Дуар. — Да, это верно, в моей жизни было немало странного. Такова уж, видно, моя доля. Иногда кажется, что стихии буйствуют для того, чтобы вернуть меня на путь, который предопределён богами. Но мне известно лишь чуть больше, чем тебе. Я не иду против ветра и не плыву против течения. Когда боги сказали, что я должен быть королём, я стал королём. И пиратом я сделался точно так же.

— Самое простое — обвинять во всём богов!

— А почему бы и нет? — и узник снова сверкнул белыми зубами. — Не по своей же воле я пришёл в этот мир. И если я покину его, это тоже не будет ошибкой.

— Да, кстати, откуда ты явился, король, пират и раб? Какие далёкие земли видели твоё рождение? Рост у тебя высокий, как у горцев, нос узкий, как у корских всадников, волосы чёрные, как у пещерных людей, глаза синие, как у островитян, а силы избыток, как у обитателей равнины. Никогда в целом мире ещё не рождалось такое чудо природы... Или ты не из нашего мира? Может, передо мной бес в обличье человека? Все знают, что ты никогда не был ребёнком. Даже провидцы могут проследить твоё прошлое лишь до первых твоих сражений, а звёзды о твоей судьбе вообще молчат. Так откуда же ты?

— Я этого тоже не знаю, Нионе.

При этих словах в глазах у пленника появилась задумчивость, морщины изрезали лоб. Властительница из династии Краллов следила за выражением его лица с опаской, но уже без прежней суровости. В отличие от неё, рабы и бдительные стражники сразу обратили внимание на то, с какой лёгкой непринуждённостью узник пренебрёг титулами их королевы. За подобную бесцеремонность даже знатному придворному с корнем вырвали бы язык.

— Самые ранние мои воспоминания, — продолжил пленник, — это звон и лязг металла о металл в разгар сражения, пот и кровь на моём лице, боевой клич, рвущийся из горла. Я — наёмник безмозглого короля Таэруса... Да, а потом я, конечно, с большим удовольствием проткнул его мечом!

— Из-за танцовщицы, — презрительно фыркнула королева.

Пленник пожал плечами, но промолчал.

Нионе продолжала наблюдать за ним изпод опущенных ресниц. Он отвечал спокойным взглядом, и что-то в глубине его жестоких синих глаз заставило её пульс биться чуточку быстрее и окрасило лёгким румянцем алебастровые щёки.

— Если, — спросила наконец она, сердясь из-за признаков слабости, неподобающих августейшей особе, — если моя стража с почётом проводит тебя к границам моих владений, в любую сторону по твоему желанию, ты уйдёшь с миром?

Дуар пожал плечами, загремели цепи.

— Может быть, — сказал он. — А может, и нет...

— Глупец! — густо покраснев, воскликнула Нионе. — Я дарю тебе жизнь! А могла бы приказать, чтоб тебя посадили на кол, разорвали на куски или убили тысячью других способов! Неужели тебе наплевать, что я тебя прощаю?

— Прощаешь? За что? За то, что я защищался от нападения? За то, что сопротивлялся жёсткому приёму? Твои глаза ослеплены моей дурной славой. — Пленник вздохнул и прибавил: — Мне снова почти жаль, что я тоже был королём...

— Бросьте его в подземелье! — крикнула Ниона. — И навесьте побольше цепей!

Когда стражники повели пленника прочь, им пришлось торопливо семенить, чтобы поспеть за его широким шагом. Дуар насмешливо сказал через плечо:

— Остерегайся, о королева, как бы не пролились кровавые дожди и как бы чёрный ворон не взгромоздился на одну из башен твоего замка!

Один из стражников уронил цепь, а когда наклонился поднимать её, капитан дал ему крепкого пинка, чтобы скрыть собственный испуг.

Замерев с побелевшим лицом, Нионе ещё долго слышала раскаты хохота из темноты коридора.

* * *

В глубоких подземельях Йгота, расположенных под башнями и шпилями прекрасного города, разило вековой затхлостью и гнилью. За пределами света факелов, котрые несли стражники, скакали и металлись какие-то твари — мелкие обитатели этой промозглой преисподней. Цепей на

Дуаре висело теперь столько, что даже его могучее тело шаталось под неимоверной тяжестью. Звон кандалов пробуждал это то здесь, то там, отчего малочисленной группе людей стало казаться, будто они вторглись в прибежище давно умерших королей и воинов древней династии Краллов, чьи заблудшие души облачаются в заржавевшие кольчуги, чтобы начать битву.

— Вот эта сгодится, — раздался резкий голос капитана.

Дуара втолкнули в зарешённую ржавую дверь и бросили в угол. Грохотом его кандалов была разбита тишина подземелий на милю кругом, не меньше. Цепи надёжно прикрепили к тронутым ржавчиной скобам на стене. Ложась на пол, Дуар видел последний отблеск факельного света на влажных камнях и слышал замирающие вдаль шаги стражников. С ликованием нахлынула тьма, причинявшая глазам почти физическое страдание.

Человек, который был когда-то королём, улыбнулся этому загробному мраку. Улыбка превратилась в широкую ухмылку при воспоминании об алебастровых чертах Нионе. Дуар сдвинулся в наиболее сухой угол камеры, вытянул ноги, располагаясь поудобнее, и вытащил из-под спины предмет, на ощупь очень похожий на высохшую берцовую кость. Что-то прошмыгнуло мимо двери, заметно было только мерцание крохотных красных глаз. Цепи больше не звенели. Дуар спал.

* * *

Он проснулся с ощущением беспокойства. Так зверя в джунглях пробуждают нервы, взбудораженные приближением опасности. Но очнувшись Дуар не как цивилизованный человек, с вялостью после глубокого сна, а мгновенно, разом, полностью осведомлённый о том, что происходит вокруг, и поэтому его рука сразу дёрнулась к мечу...

Но меча не было. Дуар насторожился. Там, куда он попал, правили тишина и веч-

ная ночь, ведь солнце никогда туда не заглядывало. Глаза Дуара встречали только пустоту и ничего не могли подсказать насто-рожённому телу. Зато его уши подтвердили, что беготня и шорохи утихли. Дуар чуял нутром, что здешних обитателей спугнуло присутствие чего-то чуждого — присутствие совершенно беззвучное, но и сердце, и разум, и то неосоздаемое, что зовётся душой, были охвачены тревогой.

Вдруг в чёрном хаосе замерцали крохотные частички света, крутясь и кувыркаясь отдельными пылинками, как будто каждая обладала собственной крохотной жизнью. От них не исходило лучей, в которых открылась бы вся неприглядность камеры, и хотя таинственный вихрь бесконечно малых искорок светился всё ярче и ярче, за пределами того места, которое он занимал, темница по-прежнему оставалась беспросветной.

Дуар пересёк полмира, и колдовство встречал повсюду — даже в чёрных горах собственного неприступного королевства, прежде чем оно было похоронено падением своих громадных крепостных стен. Но здесь, как подсказывало чутьё, проявилось что-то такое, о чём никто не ведаёт...

«Это ведьмовской огонь», — подумалось Дуару. Однако он сидел спокойно — с момента пробуждения Дуар ни разу не шевельнулся.

Вдруг изнутри свечения донёсся голос — ласковый, мягкий женский голос, в котором, вопреки несомненной женственности, звучала властность:

— Дуар! Ты меня слышишь?

— Да, нечисть, я тебя слышу, — проворчал пленник. — И в этом нет ничего удивительного... Что тебе нужно от меня, адское отродье?

— Дуар, повелитель мой!..

Искрящийся сгусток света быстро превратился в сферу не менее чем восьми футов в поперечнике. Свергнутый король чувствовал, как там в диком напряжении бьются невероятные силы, стремящиеся вырваться на волю. Но сфера держала их крепко, хотя её очертания то и дело со-

дрогались и трепетали. Пленник почему-то был уверен, что он должен радоваться прочности загадочной сферы.

Вдруг вновь послышался тот голос:

— Дуар, любимый мой, неужели за такое короткое время ты забыл меня?

— Что за разговоры о любви и времени? — насмешливо спросил Дуар. — Я-то думал, что два эти слова только в песнях связывают вместе. Но если бы в моей руке был меч, я даже сквозь этот огненный шар дотянулся до тебя холодом стали, будь ты хоть бес, хоть суккуб — да хоть кто!

— Быть может, если бы ты меня увидел, то сразу вспомнил бы... — продолжил тот ласковый голос. — Я надеялась...

Вдруг сердцевина огня стала меркнуть и тускнеть, подобно тому, как зеркало затуманивается от дыхания... И в нём постепенно проявились лицо и фигура женщины или чего-то похожего на женщину.

— Во имя... — потрясённо выдохнул Дуар, от философского спокойствия которого не осталось и следа.

— Не называй младших богов, Дуар! — поспешно воскликнула фигура. — Лучше обратись к тому, кого только ты можешь призвать по праву — к Древнему, к тому, кто старше Земли и людей. Ведь ты был верховным жрецом Его!

Но пленник не очень-то вслушивался в эти слова. Он пристально смотрел на загадочную женщину, прекрасно понимая, что она лишь кажется созданием из плоти и крови. На ней было длинное одеяние, мерцающее белизной, — одеяние из удивительной ткани, со странным узором и перехваченное чёрным кушаком на талии. Одежда не могла скрыть великолепия форм, и Дуар с восхищением рассматривал каждую линию, каждый изгиб, поднимаясь взглядом к белому стройному горлу и царственным очертаниям лица.

Иссиня-чёрные волосы падали длинным потоком на горделивые плечи. В глубинах тёмных манящих глаз плавали в беспрестанной игре эбеновых огней все чёрные солнца Вселенной. Совершенство лица цвета сло-

новой кости не нарушалось ни единым изъяном, ни единым недостатком. Сама воплощённая красота в подземельях Йгота!

— Ты уже вспомнил, Дуар? — прозвучало из огня. — Ты вспомнил имя Его?

Варвар-воитель, который никогда не отступал ни перед человеком, ни перед зверем, ни даже перед нечистью, закрыл лицо руками и вжался в угол, ибо из тайников его разума вырывались тысячи бурных воспоминаний. Казалось, что дрожат стены подземелий и сама Земля сходит со своей оси. Мощные ветры, примчавшиеся от внешних пустот, тянули и рвали его тело. Или всё происходило лишь внутри него, внутри этой формы, сотворённой из плоти и крови и называющей себя Дуаром? И уже через какое-то мгновение он вместе с особой в белых одеждах уже парил высоко среди звёзд, и не было больше ни Земли, ни людей, ни их королевств! Была готовность увидеть великое знание и внимать ему.

Внезапно Вселенная начала вращаться. Из ниоткуда явилось чёрное облако, окутав разум и опустошив его. Дуар вновь оказался в подземельях Йгота, где в вихре света застыло создание, слишком прекрасное, чтобы быть женщиной.

— Не удалось, о Древний! — сказал женский голос. — Опять я пришла слишком рано! Сколько же ещё должны ждать слуги Твои? Сколько планет должно рассыпаться в пыль и сколько солнц остынуть, прежде чем он вспомнит бедняжку Шарр — того земного духа, что была самой верной из почитателей Твоих? Ведь лишь тогда я при помощи Дуара и тех знаний, что заперты внутри него, смогу воскресить величие Твоё и вернуть господство нашей Старшей расе! Когда же, когда?..

* * *

Дуар, освободившись от власти захлестнувших его наваждений, снова обрёл уверенность. Он свирепо глянул на сияющую сферу и заговорил. Хотя дрожь от пережитого ещё не прошла, слова его звучали бодро:

— Ну что за поганое место? В этой темнице человеку даже помереть спокойно не дадут. Самое худшее наказание — это твоя болтовня, женщина! Если ты женщина, конечно. Эх, будь у меня свобода и меч...

— Мне жаль тебя, Дуар... Раньше я никогда не испытывала жалость, это странное чувство. Ты мог бы владеть всеми королевствами этого мира — да и других миров тоже, — а ты мечтаешь всего лишь о мече!

— С мечом я захвачу себе любое королевство! — воскликнул Дуар. — С мечом я смогу перерезать тебе горло!

— Бедняга Дуар! В тебе живёт дух, слишком для тебя великий. Разве тебе никогда не снилось, что ты не такой, как все? Что когда-то давным-давно ты был одним из властелинов мира? Я шла за тобой сквозь время, о маленький человечек!..

— Маленький человечек?! — яростно воскликнул варвар. — Я маленький? Я человечек?!

— Да, причём беспечно потерявший целый мир, — подтвердил голос из сияния. — Беспечно потерявший королевство, потерявший свободу, и всё ради Розы Гаона!

Узник перестал гремять цепями. Он глотнул скверного тюремного воздуха и постарался подавить в себе бешенство.

— Откуда ты знаешь? — хрипло прошептал он. — Об этом не было известно ни одной живой душе, кроме меня!

Женщина улыбнулась ему:

— Ни одной живой — да. Но я — Шарр, и мне ведомо всё, кроме тех знаний, что заперты внутри тебя, внутри твоего духа, слишком великого для обычного человека. Это мудрость верховного жреца, которым ты когда-то был. Ты обладаешь этими знаниями, даже не подозревая о них.

— Значит, ты всё-таки бес... — пробормотал Дуар.

— Нет, не бес. Ты всё забыл! Бесы — мои рабы. Один из бесов охраняет Розу Гаона в северо-западной башне Йгота. Если хочешь, напади на него. Может, тогда, в битве со злыми силами, твоя человеческая плоть истощится и твой освободившийся

истинный дух выйдет на поиски вместе со мной. Вероятно... Даже я, Шарр, не могу сказать точно! Иди, нападай.

— Иди? — рассмеялся Дуар. — Нет, ты сама иди! Тебя прислала нечисть из Ада, чтобы мучить меня. Ты прекрасна, как любовница Дьявола, но если бы я мог дотянуться до твоего белого горла... — И он в приступе отчаяния загремел цепями.

— Ах, это... — улыбнулась Шарр.

От крутящейся световой сферы оторвался кусочек — быстрый, как отблеск походного костра на лезвии меча, — и коснулся тяжёлых цепей на теле узника. Оковы со звоном рассыпались на сотни отдельных звеньев, и удивлённый варвар вскочил на ноги.

— Иди, — сказала Шарр, — в башню, к Розе Гаона и бесу. Я присмотрю за тобой, мой повелитель, как делала это раньше, когда ослепляла твоих врагов во время битвы и вела в море твой корабль. Иди, и, может, упрямое время смягчится.

Свечение тут же исчезло. Дуар вновь оказался один в черноте подземелья.

— Проклятая ведьма! — сердито выругался он. — Ты вроде бы и спасла меня, но ничего хорошего из этого не выйдет. Через час или два любопытная Нионе пошлёт за мной... Как тут стало темно! Семеро богов, где дверь?

* * *

Королева из династии Краллов заплетала свои золотые волосы, готовясь ко сну в роскошной монаршей кровати, и улыбалась, благодарная за лестное отражение зеркалу, украшенному самоцветами. Королева знала о своей красоте и пользовалась ею при встречах с иноземными посланцами. А вот для знати собственного двора Нионе сохраняла суровые мужские манеры покойного отца. И хоть эти манеры оказывались сплошь пронизанными её природной бойкостью, королева не беспокоилась. Во всём Йготе, по мнению Нионе, не было никого, кто мог бы сесть с нею рядом на двойной трон.

Закончив заплетать волосы, королева отбросила косы назад и вспомнила о статном искателе приключений, которого она сегодня отправила в подземелье. Красивый мужчина... и весьма интересный. Храбрый воин, о нём ходят сотни легенд. Его нрав под стать её собственному... Мысли спутались. Ах, если бы он был родовитым дворянином, а не бродягой, не обездоленным правителем погибшего королевства! На щеках вдруг проступил румянец. Нионе, ты размышляешь совсем как потаскуха!

Внезапно глаза королевы расширились от испуга, а румянец сменился бледностью. В стеклянной поверхности зеркала отразилось движение занавеса. Кто-то проник в королевскую опочивальню, в это святилище, без предупреждения! Служанку она уже отпустила, а стражники не посмели бы войти, пока не прозвучал сигнал тревоги. Так кто же к ней крадёт, какая опасность? Покушение?

Тело под тонкой ночной сорочкой колотило дрожь, сердце часто билось, но королева Нионе произнесла спокойным, властным голосом:

— Кто там прячется в темноте? Что за трус?

— Тот, кому слово «трус» не нравится, твоё величество, — откинув занавес, ответил Дуар. Он ещё шурился после темницы, а его правая рука сжимала обнажённый меч.

Несмотря на то, что в королевских покоях появился освободившийся мстительный узник, страх куда-то улетучился, и королеву охватило совсем другое волнение. Она повернулась к гостю, щёки вновь обрели должный цвет, а поза стала неприуждённой. Нионе сердцем чувствовала, что Дуар пришёл не ради убийства.

— Надо полагать, мои подземелья недостаточно глубоки...

— Ну, если уж я захотел увидеть твоё замечательное величество, то даже подземелья Ада не удержали бы меня!

— И мои крепкие стражники тоже не удержали?

— Увы! Ни стражники, ни их мечи.

— А откуда взялся этот меч, который у тебя в руке? — спросила Нионе, показывая на сияющий клинок в руке Дуара.

— Позаимствовал у стражника, — насмешливо ответил бывший узник. — Я был голоден и никак не мог отыскать кухню. Бродил тут и там, изумлялся роскоши и негостеприимству прекрасной королевы. Наконец встретил перед этими дверями какого-то забияку, который ни с того

ни с сего нагрубил мне. Потом он совсем рехнулся, и мне пришлось отобрать у него оружие. Надеюсь, его черепушка не совсем раскололась — я всего лишь хотел его утихомирить.

Нионе прервала этот рассказ взрывом звонкого смеха. От её неподдельного веселья, откинутой назад головы и пульсирующей гортани Дуар на одно мгновение испытал восторг. Пусть Шарр была гораздо ослепительней, но в ней не ощущалось ничего по-настоящему человеческого.

— Итак, — перестав смеяться, начала Нионе, — ты разрываешь самые крепкие цепи, находишь дорогу в бесконечных коридорах и свободно бродишь по моим залам. Нападаешь без оружия на одного из лучших воинов королевства, чтобы ворваться в опочивальню королевы, куда годами не входил ни один мужчина. Тебе явно следует извиниться!

Её качало от радости, королеве совсем не приличествующей.

— Ты не боишься? — спросил он мягко.

— Дуара? Нет! Я хорошо знаю твою историю — во всяком случае, ту её часть, которая известна людям. Ты никогда не был злобным насильником и похитителем женщин. А вот Дуара Проклятого, возможно, и побаиваюсь. В твоей тени могут скрываться бесы, а их я видеть не желаю.

— Тогда, во имя всех богов, прикажи подать мне еды! — воскликнул бывший пленник. — Я умираю с голоду!

И небрежно бросил меч на шёлковые покрывала королевского ложа.

* * *

Через несколько мгновений после того, как королева подёрнула шнурок колокольчика, явилась служанка. Её глаза были ещё затуманены сном. Наверное, обнаружив растянувшегося в дверях стражника, она подумала, что он просто задремал, так как никаких признаков тревоги на её лице не отражалось... И тут она вдруг увидела огромную фигуру искателя приключений, развалившегося на королевском стуле! Не

обращая внимания на испуганные глаза и разинутый рот служанки, Нионе велела:

— Еды сюда, и немедленно! Ты поняла? И если хоть слово пикнешь, я тебя придушу! Поторопись.

— Или я перережу тебе горло, — добавил с ленцой Дуар.

Насмерть перепуганная служанка мгновенно исчезла.

— А ведь я отдавала приказ доставить еды в твою камеру, — сказала королева, нахмурившись. — Неужели стража побоялась это сделать?

— Да, тот обеденный зал мне не очень понравился, — заверил недавний пленник. Он разглядывал Нионе из-под полуприкрытых век. Не была ли женской хитростью эта готовность к уступкам, пытался догадаться он.

Едва служанка принесла еды, Дуар велел ей сесть на диван в углу. Слабо верилось в то, что иначе она сумеет удержать язык за зубами, как бы страшно ей ни было. Поэтому когда Дуар услышал вздох облегчения Нионе, которая обрадовалась присутствию невольной дуэньи, то оставил это без внимания. Вскоре нежное фазанье мясо было с удовольствием поглощено и залито белым вином со склонов Йгота. Дуар отодвинул поднос и потянулся за мечом.

— И что теперь? — спросила королева.

— Мы с тобой отправимся к цели моего приезда — это редкая драгоценность, если честно. Но при ней, вероятно, бес...

— Что? Бес?

— Бес. И я тоже вначале удивился. Думал, что Земля давно ими пресытилась и я никогда их не встречу. И вдруг обнаруживаю там, где и не предполагал! По крайней мере, меня в этом уверили сегодня ночью... Нионе, будет ли это считаться ограблением, если у тебя украдут такую вещь, о которой ты раньше не имела и понятия?

Королева пришла в замешательство и даже слегка возмутилась, как часто случается с женщинами, сбитыми с толку.

— Ты говоришь загадками, король-раб, — сердито сказала она. — Хоть ты сейчас

и держишь меня в плену, но делать из меня посмешище я не позволю! Ты знаешь, что у тебя нет ни единого шанса выбраться отсюда живым? Ты даже до границы добраться не сможешь! Ты захватил меня, но не моё королевство!

— Ах! — многозначительно воскликнул Дуар. — Королевство без правителя...

Нионе затихла в тревожном молчании. Напуганная служанка дрожала в своём углу. Бывший пленник продолжал, прищурившись, наблюдать за ними. Повисла напряжённая тишина. До той поры, пока Дуар вновь не соизволил говорить:

— Нионе, ты когда-нибудь слышала о Розе Гаона?

— Я накормила тебя, предложила тебе свободу, но разгадывать твои загадки я не собираюсь!

— Хм, какая горячая!.. А про Чёрную башню Йгота ты слышала?

Королева содрогнулась:

— А кто не слышал, Дуар? Самое опасное место в моих землях. Никто и близко туда не подходит! Я бы давно уничтожила эту башню, но мешают древние законы и запреты жрецов. Мои подданные отводят от неё глаза, птицы над ней не летают. Что тебе понадобилось в Чёрной башне?

— Удача! И та сила, которая поможет мне вернуть моё королевство!

— Королевство заблудших душ и мёртвых убийц?

— Да, именно! И ваши обычаи мне тоже хорошо известны. Если мужчина, а то и женщина, совершит злодейство столь омерзительное, что за него нельзя даровать ни чистую смерть от меча, ни медленную гибель от голода, древний закон Йгота велит жрецам отвести негодяя ко входу в Чёрную башню. Там приговорённого оставляют, чтобы его постигла некая неотвратимая и ужасная участь. Неотвратимая потому, что из мрачных ворот башни никто ещё обратно не выходил. Тайна эта затеряна в древности. Разве что в легендах ваших жрецов, которые сами туда не суются, есть подсказки о судьбе тех, кого за-

гнали в Чёрную башню. Ну, угроза оружием у закоренелого злодея вызовет только смех, а вот неизвестная опасность любого храбреца заставит подёргаться...

— Говорят, — прошептала Нионе, — что Чёрная башня стояла уже в те времена, когда вся эта земля была ещё совершенно пуста, а мои предки, основатели династии Краллов, ещё не родились. Там всё пропитано ненавистью, и ничего не растёт, даже чахлый кустарник. В ту сторону я стараюсь даже не смотреть.

— И прячешь красоту своих глаз, — утливо прибавил Дуар. — Но этой ночью мы отправимся туда.

— Мы? Думаешь, ты сможешь таскать меня повсюду, как обычную девку?

— Или носить на руках. Будешь для меня верительной грамотой. Ты же сама говорила, что в твоём Йготе мне и шагу не дадут ступить.

— Тебя схватит первый же встречный стражник!

— Нет, потому что увидит кольцо Нионе и услышит пару тихих, но убедительных слов. Он лишь поднимет брови, когда мы пройдем мимо, и скажет себе, что у королевы тоже должны быть развлечения.

У Нионе заплыли щёки:

— Никто и никогда в моём королевстве так не подумает обо мне!

Дуар рассмеялся:

— Люди остаются людьми, даже когда думают о королеве.

— Скотина! Варвар! Раб!

— А прямо сейчас — король. Но я продолжу. Один изгнанный отсюда жрец, когда подышал на поле боя, рассказал мне о драгоценности под названием Роза Гаона. Она хранится в Чёрной башне Йгота. Эта драгоценность бесценна и по своим свойствам, и по красоте. Жрец говорил, что я, Дуар Проклятый, смогу безопасно пройти через пристанище обречённых мертвецов, которые требуют их похоронить. Жрец был очень мстительной тварью, и я понял, что перед собственной смертью он хотел отправить меня на верную гибель. Возможно, ему это

почти удалось, ведь я уже здесь... Теперь ты знаешь, почему я прибыл в Йгот. Если слова жреца верны, то с этой драгоценностью я найму достаточно людей, чтобы захватить новое королевство. Пусть я был рабом, но в моих жилах течёт королевская кровь, и я не успокоюсь, пока не взойду на трон!

Последние слова он произнёс с такой страстью, что служанка чуть было не вскрикнула. Нионе посмотрела на Дуара, увидела азартный блеск в его синих, наполовину безумных глазах... И была вынуждена с горечью признать:

— Кажется, королева низвергнута... Но у меня есть гордость! И смелость. Я не допущу, чтобы стража выбила двери и обнаружила, что я кричу в твоих руках, будто простая уличная девка. Эй, трусиха, а ну быстро носи плащи!

— А я бы послушал, как ты кричишь... — задумчиво протянул Дуар.

* * *

Дважды их останавливал на улице бдительный ночной дозор — и дважды отступал, увидев кольцо королевы. В первый раз изумление стражников, наткнувшихся на монарший знак, вызвало у Дуара тихий смех. А миновав второй дозор, он засмеялся уже в открытую, громко. За что Нионе в ярости, совсем не по-королевски, пнула его в голень.

— Когда высмеивают королеву, ни у кого нет права хохотать! — напомнила она с отчаянием.

— Ты самая удивительная из королев! — восторженно сказал Дуар.

На северо-западном конце столицы Йгота, там, где возвышались древние стены, столетиями защищавшие город и готовые уберечь его от будущих захватчиков, стояла Чёрная башня — в грозном и величественном уединении, не деля его ни с каким другим зданием. Да никому и не хотелось жить там, куда могла дотянуться тень её губительных воспоминаний. Раз в десять лет ко входу в башню подтаскивали

одурманенного преступника, чтобы бросить его у ворот, вечно открытых, подобно вратам Ада. С какой ужасной судьбой встречалась эта тварь в обличье человека, совершившая чудовищный поступок, не знала ни одна живая душа. Никто не возвращался из угрюмой зловещей башни, чьи эбеновые выступы на крыше напоминали пальцы огромного беса, который тянулся из мрачной глубины подземелий к ясному небу.

Приблизившись к мрачным стенам, недавняя королева и бывлой король остановились, чтобы осмотреться. Даже летучие мыши не осмеливались нарушать здесь призрачное спокойствие. Вокруг царил тьма, глухая и безмолвная. В тени башни лунный свет исчезал, как будто рука из Ада утащила с неба серебристый шар. Воистину, это была не башня, а достойный памятник тёмному богу Смерти.

— Оставайся здесь, — сказал Дуар Нионе. — Если дождёшься меня, чтобы провести сквозь ряды стражи, то получишь королевское вознаграждение. Не дождёшься — я пройду сквозь стражу в одиночку, а потом украшу стены твоего дворца телом убитого беса.

— Постараюсь дождаться.

— Я верну тебе долю от Розы, — пообещал Дуар, исчезая в ночи.

Шёпот ответа заставил его на мгновение сбиться с шага:

— Вернись ко мне сам, Дуар.

* * *

Он остановился у входа, в котором раскачивались створки исполинских тёмных ворот. И хотя Дуар знал, что вниз должна вести длинная лестница из высеченных в камне ступеней, попытки разглядеть её оказались бесплодными. Тусклый отблеск лунного света озарял только зияющий проём да груды безжизненных обломков прошедших мимо столетий. Дряхлеющий спуск к неизвестному возмездию был скрыт от взгляда. Оставшийся варваром, Дуар пробубнил мо-

литву Семи богам, прежде чем шагнуть на первую ступень. За долгие зоны лет он был единственным, кто отважился спуститься по этой лестнице сам, а не свалился на неё, с криками ужаса, из рук палачей-жрецов.

Дуар спускался и считал ступени. Сто, сто пятьдесят — насколько глубоко они вели? Дуар проклинал свою недалёковидность за то, что не захватил факел...

Наконец он достиг уровня пола и принялся осторожно нащупывать путь вдоль влажной стены, перед каждым следующим шагом убеждаясь, что не свалится в невидимую яму. На стене был вырезан необычный узор. Водя кончиками пальцев по изображённым знакам, Дуар уже почти радовался тому, что забыл взять светильник.

Вдруг он почувствовал Силу. Его как будто ударил резкий порыв горячего ветра из пустыни. Сначала затруднявшая путь, Сила вдруг сменила направление, и стало казаться, будто она подгоняет его вперёд. Опомившись, Дуар почти побежал, чтобы ветер не сбил его с ног.

— Боги! — пробормотал он сквозь зубы. — Меня без всякого почтения гонят в Ад...

Ток воздуха внезапно оборвался. Дуар оказался в просторном помещении, освещавшемся багряным заревом. Сияние исходило от предмета, лежавшего на громадном камне, который был высечен в форме правильного куба и покоился в самом центре огромного круглого зала. Король-варвар обнажил меч и с осторожностью двинулся к источнику света. Несколько раз он спотыкался о кучи мусора, наваленного тут и там. Дуар не сводил глаз с пылающего огня, и только это и помогало ему удержаться на ногах.

Теперь он как будто пересекал горный поток, поднявшийся ему по грудь, и Сила ревела в его ушах, пока не заломило в висках. Голову и плечи неумолимо клонило вниз, побуждая лечь и уснуть. Отведя глаза от великолепного сияния, Дуар осмотрелся в поисках ровного места, где он мог бы отдохнуть. Отвратительное зрелище вернуло ему бдительность — он шагнул прямо по костям бесчисленных скелетов!

Таков был ответ на вопрос об участии преступников, приговорённых к Чёрной башне. В течение веков сотни и сотни сброшенных на тёмную лестницу покорялись Силе и спешили к своей гибели. Те, кто присел отдохнуть, отдыхали вечно. Отступить было труднее, чем сломать каменную стену голыми руками — бес обладал слишком большой властью. У жертвы появлялось неодолимое стремление двигаться к багряному свету. Чем больше у неё было сил и твёрдости духа, тем ближе ей удавалось подобраться к манящему огню, прежде чем уступить губительной Силе. На костях мертвецов играли тусклые отблески странного свечения, к которому они не приблизятся никогда.

— Будь ты проклято!.. — зарычал Дуар, но тут же понял, что гневается на ту самую вещь, которую так долго искал.

Свет исходил от сердцевины Розы Гаона. Драгоценность лежала на чёрной поверхности камня и по размерам была как сжатый кулак Дуара. Великолепный рубин невероятно круглой формы чисто и ярко светился собственной жизнью, испуская поразительные лучи на мёртвые кости в подземной гробнице. Сокровище тысячи королей, столь могущественное в своей чудовищной власти, что ни один человек не сможет овладеть им без колдовства! Король-варвар с волнением смотрел на эту гибельную красоту, но понимал, что она не для него.

Вдруг бесовская Сила ударила прямо в Дуара! Он развернулся на пятках, рассекая мечом воздух перед собой. В тусклом свете драгоценности виднелись только разбросанные останки мертвецов, но что-то сдавило горло, и невозможно было вздохнуть. Свирепый, рычащий, Дуар сражался с неведомым противником. Он проклинал врага и яростно сопротивлялся...

Но в жилах уже текла слабость, а мышцы становились дряблыми от усталости. Клыки и когти невидимого чудовища оставляли длинные красные борозды на его руках и груди, а на голове и плечах появлялись глубокие рубцы. Дуар-король понимал,

что он обречён, но Дуар-варвар знал, что мёртвым он станет только тогда, когда умрёт. Что-то внутри него, какие-то древние силы, заставляли оставаться на ногах, толкая в последнем отчаянном усилии в тёмное облако, возникшее перед ним. Но ни одному смертному не выстоять против беса Чёрной башни, и Дуар уже не спорил с этим. Конец был неизбежен, в подземной гробнице станет одним скелетом больше. Дуар ещё раз полоснул разрезанный воздух бесполезным оружием и приготовился умереть.

Внезапно взгляд его уловил слабое мерцание искр. Они появились у левого локтя, но не так близко, чтобы это могло помешать сражению. Шарр!

— Я не оставлю тебя в беде, мой повелитель! — раздался хорошо знакомый голос. — Хотя ты бьёшься за то, что твоим не является, и тебя манит тело другой женщины, я всё же помогу тебе и твоим детским прихотям. Ты не спасёшься, если не уничтожишь Розу и вместе с ней — Силу беса! Разбей Розу! Сломай её, пока адское отродье не погасило в тебе искру, которая принадлежит Древнему!

И тотчас же в самое сердце опасного сокровища, которое покоилось на эбеновом возвышении, ударил тяжёлый двуручный меч! Раздался гром, с каким обрушиваются горы. Пошатываясь, Дуар смотрел, как разлетаются тысячи драгоценных брызг. Ветер смерти дул ему в лицо, неистовые силы сотрясали стены. Даже кости мертвецов хрустели, шевелясь как единое живое существо, пытавшееся защитить Розу Гаона, которая покидала Чёрную башню навсегда.

Скелеты постепенно рассыпались в прах, освобождаясь от вечного рабства губительной Розы. Через поднявшиеся клубы пыли Дуар двинулся к выходу. На его пути стояла мерцающая фигура таинственной союзницы. И хоть варвар спешил поскорее выбраться отсюда, он всё же остановился, даже ведьму не желая бросать в отвратительном пристанище мёртвых злодеев.

— Нужно сказать тебе спасибо... Я ведь был так же ослеплён, как и все те, кто приходил сюда прежде. Сам бы я ни за что не догадался разбить драгоценность.

— Ни один смертный не смог бы коснуться этого камня, Дуар. Это даже не драгоценность, а сердце беса. Если бы в твоих жилах не текла кровь Старшей расы, ты не подошёл бы к нему так близко.

— Что тебе нужно от меня, ведьма? — решительно спросил варвар. — Зачем ты освободила меня? У меня нет друзей, я Дуар Проклятый. И в моей власти только этот меч, который я держу.

— О, нет, ты ошибаешься! — с грустью сказала Шарр. — Признайся хотя бы самому себе, что твоя жизнь полна загадок. Я раскрою все тайны и верну тебе прошлое, то давнее прошлое, когда ты был жрецом Старшей расы, а под ногами у неё личинками копошились народы, которые сейчас заполонили Землю. Я — последняя из Старших. Только в тебе, Дуар, сохранилась древняя кровь, пусть она и смешана с человеческой. Я наблюдала за тобой во время всех твоих перевоплощений, и наконец решила пробудить твоё подсознание, чтобы к тебе могла вернуться память. Дуар, мне нужна твоя помощь! Ты был верховным жрецом Старших, так стань им снова! Нам опять покорится весь мир, нашему древнему могуществу, нашей истинной власти. Думай, мой повелитель. Вспоминай!

Вновь в его разуме вспыхнул ведьмовской огонь — поднялся, закружился и поник. Но разум взбунтовался против этой пытки, и взгляд Дуара прояснился. Он снова был в зале, упрятанном глубоко под землёй, — в месте, переполненном пылью и осквернённом проклятыми душами.

— Я — Дуар!

Шарр вздохнула:

— Тогда иди, Дуар. Когда ты родишься в следующий раз, я приду снова. И снова. И, может, когда-нибудь... — её голос угас.

И она сама исчезла! Больше ничего уже не опасаясь, Дуар бросился вверх по каменным ступеням, по которым прежде

не поднимался ни один человек. Скорее вверх — туда, где его ждала прекрасная Нионе, и где перед его королевскими глазами расстился весь Йгот. Да, она не ушла — Дуар знал это ещё до того, как увидел её очертания на фоне луны. Нионе уже шагнула на первую из ступеней, ведущих в неведомые ей глубины, и это обрадовало его. Она готова была идти за ним к безмянной смерти! Чего ещё желать варвару, кроме трона могучего королевства и прекрасной королевы рядом?

Но когда Дуар выходил из башни, его догнал шёпот — едва уловимый, как тонкая, призрачная нить к прошлому:

— Дуар, ты глупец! Ты же мог владеть всем миром, а берёшь себе лишь крохотное королевство...

*Перевёл с английского Андрей Бударов.
Clifford Ball, «Duar the Accursed», 1937.*

Андрей Бударов Загадочный адепт «меча и магии»

Клиффорд Болл (1907? — 1947?) — один из питомцев журнала «Странные истории» («Weird Tales»), где наряду с ним в золотую пору издания публиковались такие корифеи фантастической литературы, как Говард Филлипс Лавкрафт, Фриц Лейбер, Абрахам Меррит, Роберт Блох, Мюррей Лейнстер, Генри Каттнер, Теодор Старджон и Роберт Говард.

Влияние творчества последнего на рассказы Болла было подмечено сразу. Один из читателей «Странных историй» вы-

разился образно: «Клиффорд Болл, как видно, обулся в ботинки Роберта Говарда, другой вопрос — по размеру ли они ему? Пока что молодой автор справляется неплохо, но его ногам следует вырасти ещё немного, чтобы он поднялся до уровня лучших рассказов Говарда».

Несмотря на одобрительные отзывы, Клиффорд Болл вскоре прекратил публиковаться. За четыре с половиной года писательской карьеры он выпустил в свет всего только шесть рассказов.

Наиболее интересен первый из них, «Дуар Проклятый» («Duar the Accursed»), напечатанный в мае 1937-го. Антураж и в самом деле похож на мир Хайборийской эры Говарда (как, впрочем, и на любой другой мир «меча и магии»), да и центральный персонаж — страдающий амнезией экс-король — напоминает Конан-варвара. Но Клиффорд Болл направляет фокус внимания не столько на масштабную личность главного героя и «упоение в бою», сколько на отношения между персонажами, их взаимодействие. В следующих двух рассказах Болла («The Thief of Forthe» и «The Goddess Awakes») действие происходит в том же мире, только главный герой уже другой. В последних же трёх новеллах («The Swine of Ææa», «The Little Man» и «The Werewolf Howls») продемонстрированы совсем иные грани писательского таланта — в спектре от мифологической фэнтези до «хоррора».

Как бы то ни было, в фантастической литературе Клиффорд Болл свой след оставил — во всяком случае, в той жанровой разновидности, что зовётся «героической фэнтези». Прав Лин Картер, утверждавший: «Пусть Клиффорд Болл не писал с оригинальностью Кэтрин Мур или энергичным темпом и стилем Генри Каттнера, но у его историй есть свой уникальный аромат».

Андрей Бударов родился в 1981 году. Закончил филологический факультет ВГУ. Публиковался в журнале «Полдень, XXI век» и межавторских антологиях. Переводчик с английского. Живёт в Вологде, Россия.

Святослав ЛОГИНОВ

Мастерская Иосифа

Меньше всего заказчик походил на заказчика. В простой куртке серого сукна, какая прилична мастерскому, он скорее сошёл бы за натурщика, зашедшего узнать, нет ли для него работы. Такой может изображать апостола Петра или любого персонажа второго плана. Курчавая борода с густой проседью, обширная лысина, цепкие глаза под густыми бровями — короче, типаж. И всё же, он сказал, что хочет заказать картину.

— Какую именно картину хочет заказать сеньор? — учтиво спросил Диего.

Ясно, что серьёзных денег у заказчика нет, разве что он хочет приобрести картину для цеховой часовни. На подобные приобретения мастера скидываются вскладчину, и заплатить могут очень неплохо. Но тогда старик не пришёл бы один, и наверняка на груди у него сияла бы цепь и прочие цеховые регалии.

— Вот такую, — старик указал на неоконченное «Поклонение волхвов», которое Диего делал для монастыря святой Цецилии. — Чтобы размер был такой.

— Сеньору известно, сколько стоит картина такой величины?

— Да, я узнавал. Это дорого, но деньги у меня есть.

— И каков должен быть сюжет картины?

— Сюжет?.. Ну, чтобы всё было нарисовано понятно. И ещё я хочу, чтобы вы нарисовали там меня, если можно.

— Можно, — ответил Диего, отметив про себя, что заказчик слова «сюжет» не знает. — Смотрите: это «Поклонение волхвов», а вот позади царя Мельхиора стоит заказчик картины.

Старик взгляделся в лицо рыцаря, стоящего за плечом одного из царей, и удивлённо воскликнул:

— Это же граф Мендоза! Мне не раз доводилось видеть его светлость: здесь он как живой!

— В том и состоит искусство живописца. Можете взглянуть: здесь изображено снятие с креста. Граф Мендоза, коленопреклонённый стоит рядом с богородицею.

— Удивительно! Получается, что, благодаря вашему искусству, его светлость

Святослав Логинов родился в 1951 году. Один из наиболее ярких представителей «четвёртого поколения» отечественных фантастов, автор многочисленных произведений, ряд которых вошёл в Золотой фонд российской фантастической литературы. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе, Союза писателей России, лауреат Премии им. И. А. Ефремова и многих жанровых премий. Живёт в Санкт-Петербурге, Россия.

присутствовал при величайших событиях человеческой истории!

— В духовном плане, исключительно в духовном плане.

— Я вот что хотел спросить: а эти люди — волхвы, и мадонна, и святой Иосиф... — их вы как рисуете?

— Выбираю натурщиков, которые подходят к замыслу, и пишу их.

— А не могли бы вы также написать меня? Меня зовут Иосиф, и случилось так, что я всю жизнь проработал плотником. И когда я слышу об Иосифе Плотнике, я каждый раз вздрагиваю. Этот человек мне больше, чем родной. Не могли бы вы написать святого Иосифа с меня?

Диего покивал головой, заново, с прищуром разглядывая лицо собеседника. Хорошее лицо: борода, густо побитая седина, лысина в обрамлении остатков волос, пристальный взгляд умных глаз, морщины, свидетельствующие не о пороках, а о прожитых годах. Как ни поверни, получается апостол Пётр, хотя при желании можно изобразить и Иосифа.

Значит, святое семейство. Перед внутренним взором немедленно возникла фигура мадонны с младенцем на руках. Спасителю должно быть около года. Он стоит, обернувшись вполборота, и тянется ручонкой к седой бороде Иосифа. А у того в глазах лукавство пополам с восторгом. По всему видать, Иосиф-настоящий — добрый человек и не станет возражать, если к его бороде потянется не божественный младенец, а обычный ниньо.

И всё же, некоторые сомнения остаются.

— Обычно Иосифа изображают человеком пожилым, но не в столь преклонных годах, как ваши...

— Но время идёт для всех, и библейский Иосиф тоже старился. Приходский священник рассказывал, что Иисус, прежде чем начать проповедь, работал в мастерской своего земного отца. Я хочу, чтобы картина была такой: Спаситель, совсем молодой, но уже и не младенец, лет двенадцати или пятнадцати, как вам покажет-

ся удобным, занят обычной плотницкой работой. А где-то в глубине мастерской трудится старик-отец. Ведь он должен состариться за эти двенадцать лет. Не надо никаких разверзшихся небес, фаворского света и трубящих ангелов. Ангелам не интересно глядеть на плотницкую работу. Но мне кажется, что именно этот человеческий труд был первым шагом к труду божественному.

По всему видать, старый плотник много размышлял над волнующей его темой. Из таких происходят самые упорные еретики. Хорошо, что у этого мысли сосредоточились на картине.

Тонким углём на листе картона Диего набрасывал лицо плотника. Даже если заказа не будет, эскиз не пропадёт. Такому лицу отыщется место на любом полотне. Жаль, что ничего плотницкого в лице Иосифа нет, как и в лицах его библейского двойника, глядящих с тысячи картин. Какие изображения святого семейства ни возьми, всюду видим только богатые одежды и умиление во взоре. Плотника не разглядеть при всём желании.

Ну и задачу задал живописцу неожиданный посетитель!

Некоторое время Иосиф с удивлением смотрел на художника, потом удовлетворённо хмыкнул:

— Что вас обрадовало? — спросил Диего.

— Я понял, что вы делаете. Я ведь тоже, когда попадается сложный заказ, не принимаюсь рубить набело, а сначала примеряюсь так и этак. Но только после того, как получен задаток. Я завтра занесу вам деньги. Мне правильно сказали, что картина будет стоить тысячу реалов?

— Картины стоят по-разному. Случается, что и тысячи эскудо мало. Но наша картина ещё не написана, поэтому пусть будет тысяча реалов.

— Деньги я принесу завтра с утра.

— Сделаем иначе. Мне будет нужно делать наброски с плотницкой мастерской, и, полагаю, всего лучше подойдёт ваша мастерская. Надеюсь, я не слишком помешаю вам, если приду туда завтра с этюдником.

Мастерская Иосифа находилась за городскими стенами, неподалёку от Ворот Солнца. В дом можно было попасть, только пройдя под навесом, где стоял верстак, высокие козлы для продольной пилы, ещё какие-то станки, предназначения которых Диего не знал.

Солнце заглядывало под навес только вечером, и сейчас мастерская напоминала задник сцены, с эффектной игрой светотени, столь милой сердцу художника.

Иосиф, предупреждённый кем-то из соседей, поспешно вышел навстречу.

— Маэстро, прошу в дом...

— Погодите. Пока солнце в нужном положении, следует работать. Станьте сюда и делайте что-нибудь... хочу поглядеть, как это выглядит в натуре.

Иосиф отошёл вглубь мастерской, где у стены были сложены небольшие брёвнышки, отдельно тополевы, отдельно — дорогие, кипарисовые. Выбрал подходящее для какой-то его задумки, принялся затёсывать одну сторону. Топор негромко тюкал, щепки ровные, одна в одну, падали на землю. Казалось, работа делается сама по себе, а мастер лишь следит, чтобы всё было стройно.

Диего рисовал, торопясь поймать мгновение. Тонкий виноградный уголь с лёгким скрипом скользил по картону. Постаревший святой Иосиф как живой возник в полутьме мастерской. И когда солнце, передвинувшись, заглянуло под навес, Диего едва зубами не скрипнул. Но что делать, он не Зевс и не Иисус Навин, солнечный диск ему не подвластен.

Домой Диего возвращался далеко за полдень. Сумка, которую он нёс, приятно тяготила руку. Тысяча серебряных реалов — изрядный вес, такой в кошель не сложишь и к поясу не привесишь.

На Пляса дель Соль царил привычная толкотня. Ходить здесь с большими деньгами не рекомендуется, хотя кто скажет, что лежит в сумке — серебро или бычьи кости, купленные на бойне и предназначенные любимой собаке?

Людское коловращение достигало высшей степени у самых ворот, где располагался знаменитый фонтан Марибланка. День был жаркий, и мальчишки прямо в одежде плескались в фонтане. Хозяйки, пришедшие за водой, отгоняли сорванцов от струй, текущих из пастей четырёх дельфинов, и наполняли кувшины. Лучшая в Мадриде вода струилась в этом фонтане. Марибланка с высоты своего постаamenta глядела на

городские предместья. Диего знал, что статуя изображает вовсе не мадонну, а языческую богиню любви, но попробовал бы кто сказать это простым испанцам... договорить неумному болтуну не дали бы.

Человек, которого искал художник, был замечен издали. Он сидел в позе блаженного безделья, опустив босые ноги в чашу фонтана. Лицо праздного сеньора, вопреки ожиданиям, привычно выражало томную муку, словно сидящий только что вышел из рук палача. Внешностью измученный сеньор тоже выделялся среди окружающих. Должно быть, христианнейшие короли, изгнавшие из Испании евреев, недостаточно старательно исполняли свои обеты, поскольку кудри сеньора отличались рыжевато-золотистым цветом, что так редко украшает испанцев, но частенько встречается среди иудеев. Впрочем, весь Мадрид мог подтвердить, что сеньор Руис, именно так звали сидящего, истинный испанец и добрый католик.

— Сеньор Диего! — вскричал Руис, заметив художника. — Я счастлив вас видеть!

Он вскочил так резко, что волны пошли по всему фонтану, и поклонился, прижимая руку к груди.

— Добрый день, — поздоровался Диего. — Как ваше здоровье?

— Какое здоровье может быть у того, кому ежедневно приходится висеть на кресте? Даже Иисуса распяли всего однажды, а меня распинали бесчисленное число раз.

Руис был натурщиком, и все мадридские живописцы писали с него страсти Христовы, благо, что внешность у светловолосого испанца была самая подходящая. Руис давно свыкся со своей ролью. Он отрастил небольшую бородку, а страдальческое выражение не сходило с его лица даже в минуты довольства.

— А как обстоят дела у твоего брата? Не помню, как его звали, вроде бы, ниньо Хосе. Этаким кучерявый херувимчик, я рисовал его пару раз.

— Совершенно верно, Хосе его зовут, а вот называть его ниньо язык уже не поворачивается. Такой шалопай вырос, спаси господи. Но красавчиком остался, на каждой ресничке полдюжины девичьих сердец наколото, благо длина позволяет. Жаль, рисовать его сейчас нельзя: из младенцев вырос, а до Христова возраста не дожил.

— Не обязательно же Христа писать. Ганимед, Нарцисс — мало ли красавцев знает история. В общем, скажи ему, чтобы зашёл ко мне, а лучше — сам приведи. Думаю, пара лишних реалов ему не повредит.

— Да уж, с деньгами у него не густо. И, главное, работать не хочет, балбес. Я в его возрасте... впрочем, я тоже был изрядным шалопаем. Так когда его приводить?

— Завтра с утра.

Хосе и впрямь оказался красавцем, чью внешность ещё не испортила бурная жизнь. Его смуглые сверстники давно щеголяли пробивающимися усиками, а лицо Хосе, ещё не оскорблённое касанием бритвы, сияло первозданной свежестью. Хотя взгляд испорченного мальчишки ясно говорил, что в жизни он успел испробовать многое. Не такой взгляд виделся Диего, когда он представлял в уме будущую картину, но разве в предместьях Мадрида найдёшь нового Христа?

Хосе оглядел студию и насмешливо спросил:

— А где кормилица?

— Какую тебе кормилицу захотелось? — переспросил Диего.

— Как же без кормилицы? Прежде, когда с меня картины писали, то усаживали на колени какой-нибудь молодой сеньоре, а то и сиську заставляли сосать. Последний раз, мне шесть лет было, я уже всё понимал, а маэстро говорит: «Будешь изображать младенца». Ну, я ему и сказал, мне, мол, женские сиськи для другого нужны. А сеньора хохочет: «Ты же не можешь ничего, не дорос ещё». У нас по деревьям

и не таких сосунков видали. Женщина, пока она грудью кормит, забеременеть не может. Бывают, конечно, исключения, но это уже как повезёт. Так молодые матери раздаивают себя, словно козу. Сын большой вырос, по улице с мальчишками гоняет, ему впору с мужчинами вино пить и паэлью кушать, а он, как проголодается, домой прибежит и, если обеда ещё нет, требует: «Мама, титю!» — а та платье расшнурует и кормит.

— Понятно, — сказал Диего. — Должен тебя огорчить — сисек не будет. Вместо кормилицы тебя ждёт верстак. Скидывай рубаху и становись.

Хосе с готовностью, выдающей бывалого натурщика, стащил рубаху и встал возле верстака. Верстак в мастерской был; настоящий художник, работая над картиной, всё делает сам: и краски трёт, и лак варит, а случается — и раму мастерит. Даже уголь для набросков приходится жечь самому. По весне, когда на виноградниках подрезают лозы, Диего отправлялся к знакомым виноделам, выбирал из срезанных прутьев самые ровные, ошкуривал их, сушил, плотно упихивал в горшок и, закрыв наглухо крышкой, шёл к знакомому пекарю, сеньору Себастьяну, чтобы как следует пережечь прутки в лучший виноградный уголь.

Кому-то покажется странным, что художник, вхожий к испанским грандам и самому королю, водит знакомство с виноделами и булочниками, но такова жизнь: художник, прежде всего — мастер, и лишь потом — идальго.

Хосе стоял возле верстака столбом, не зная, что делать.

— Рубанок бери и начинай этот брусок строгать.

— Зачем? Он и так гладкий.

— Мне не брусок нужен, а спина твоя гладкая. Пота не вижу.

— Хотите в фонтане купнись, и будет мокрая.

— Если человек дурак, то это надолго. Я тебе плачу не для того, чтобы ты в фонта-

не купался. Живо, рубанок в руки — и за работу!

Не объяснять же шалопаю, о чём Диего мучительно размышлял чуть не всю минувшую ночь? В память запали слова старого плотника: «Человеческий труд был первым шагом к труду божественному». А кто из художников изображал на картинах работающего человека? У живописцев низкого жанра — бодегонос — видим старушек за прялкой или молоденьких вышивальщиц, но человека, который бы тяжело трудился, не найдём. Даже божественный Веласкес, изображая кузницу Вулкана, написал перерыв в работе. Собственно, что происходит на единственной картине, изображающей мастерскую? Ведь Вулкан и Феб — братья, причём, Вулкан старше и, в отличие от бастарда Феба, — законный сын Юпитера. И всё же, не избавиться от ощущения, что знатный и богатый заказчик явился к мастерскому и диктует ему свою волю. А благие киклопы — древнейшие дети Земли, повидавшие и пережившие всяческих богов, пошедшие к Вулкану исключительно из любви к огненному делу, стоят, в изумлении разинув рты. Но всего сильнее огорчило Диего, как изображены тела кузнецов. Не было в них жилистой мускулистости, отличающих мастеровых. Не кузнецы были на полотне, а натурщики, изнывшие от бесцельного сидения на краю фонтана.

Странно настолько критически относиться к мастеру, которого боготворишь, но если вдуматься, иначе не может быть...

Хосе терзал несчастный брусок, словно инквизитор нераскаянного еретика. Планка, ещё недавно гладкая, покрылась заусеницами, рубанок забился древесным сором. В конце концов, раздался громкий хруст, и у рубанка отломилась ручка, за которую мастер придерживает инструмент.

— По рукам бы тебе надавать, — заметил Диего, с огорчением разглядывая испорченный рубанок.

— Сами же приказывали — энергичней, — огрызнулся Хосе.

— Я тебе по два реала в день плачу не для того, чтобы ты вещи ломал. И стоишь ты, словно козёл, который сейчас бодаться начнёт. Вот что, собирайся, пошли. Будем тебе осанку ставить.

— Чего собирать-то?

— Рубаху свою потную. Как не надо, так он потеет. И рубанок бери — чинить.

Когда они свернули от Ворот Солнца в сторону знакомой слободы, Хосе спросил тревожно:

— Мы, случаем, не к старому Иосифу идём?

— Именно к нему. А что, он тебе знаком?

— Меня мать ему в учение отдала, а я сбежал. Не хочу всю жизнь деревяшки стругать.

— А что хочешь? Ремесло натурщика кормит плохо, хоть на брата своего взгляни.

— Я буду солдатом, конкистадором!

— Солдат — тот, кто получает одно сольдо в день. Я плачу больше.

— Одно сольдо — это не у нас. Я же не итальяшка. Я поеду в Аргентину — страну серебра. Оттуда возвращаются богатыми.

— Если возвращаются вообще... К тому же, погляди на любого ветерана. Он такой же битый и корявый, как и аргентинский пиастр.

— Зато в пиастрах серебро самой высокой пробы. Ни один мачо не посмеет смотреть на меня косо, ни одна сеньорита не станет смеяться над солдатом. Вино, девушки, ужас в глазах врагов, восхищение у всех остальных — это то, ради чего стоит жить!

— Ну, давай. Но пока изволь отработывать свои два реала. И не вздумай больше выкобениваться; за испорченный инструмент буду вычитать с тебя.

Иосифа, как и следовало ожидать, нашли в мастерской.

— Да это, никак, ниньо Хосе! — воскликнул он, увидав молодого натурщика. — И этого испорченного мальчишку вы прочтите на роль Христа? Неважный вы-

бор. Помяните моё слово, рано или поздно этого красавчика повесят.

— Христа тоже повесили, — заметил Диего, — крест в те времена заменял виселицу. Что касается удачного выбора, то в предместьях Мадрида трудно найти юного праведника. А сейчас, пока ниньо Хосе ещё не висит, надо научить его стоять у верстака.

— Это он умеет. Правильная стойка — первое, чему учат.

— Рубанки ломать тоже учат?

Иосиф подошёл к насупленному Хосе, не больно, но обидно ухватил его за ухо.

— Ты что же меня позоришь, мальчик? Ну-ка, быстро, вон ту балку на верстак и покажи маэстро, как следует выглаживать дерево.

— Это стропилина, что ли? Чего её выглаживать, и так сойдёт. Сколько стропил видал, все обтёсанные, ни одна не выстрогана.

— Не знаю, где и какими стропилами ты любовался, а у меня всё должно быть сделано на совесть. К тому же, это и вовсе не стропилина, так что — работай.

Кажется, Хосе ещё пререкался со стариком, но это было не главное. Не переставая бурчать, парень встал у верстака, и первая жёлтая стружка упала на пол. Тут уже было не капризное кривляние испорченного мальчишки, а работа. Лицо Хосе покраснелось, на лбу выступила испарина. Диего поспешно рисовал, лоя изгиб напряжённого тела, перенося на картон — пока на картон! — кудряшки золотистых стружек и завитки волос. Иосиф довольно кивал, не вмешиваясь, лишь дважды помог повернуть балку не выстроганной ещё стороной. Когда он успел починить сломанный рубанок, вырезав и поставив новую рукоятку, Диего не заметил. Он рисовал, зная, что картина будет, хотя холст ещё не натянут на подрамник.

Картины не получалось.

Уже давно на холсте изображена была мастерская, и сам Иосиф с затаённой улыбки-

кой глядел из полутьмы на божественного сына. Диего мог гордиться фигурой второго плана: старик не отрывался от работы, он продолжал затёсывать что-то широким плотницким топором, лишь один мимо­лётный взгляд бросил он на подростка сына, помощника; взгляд, исполненный гордости и любви.

И фигура мальчишки на первом плане, освещённая солнцем, только начавшим проникать под навес, тоже удалась. Уже не ребёнок, ещё не мужчина, всё у него в будущем. В прошлом — детские игры, а сейчас первая настоящая работа. Мышцы, покуда не узловатые, напряжены, на плечах и лбу — капли пота, светлого, чистого. Пройдёт немало лет, прежде чем пот этот станет кровавым. Перетянутые верёвочкой кудри спорят шелковистостью с ворочком стружек на полу.

Всё удалось, всё выходит как нельзя лучше, нет только лица. Лица того, кто когда-нибудь станет Спасителем, и уже сейчас провидит свою судьбу и торопится получить от жизни хоть немного простой радости. Но с полотна смотрел безобразник Хосе, согласившийся позировать за два реала в день.

Как назло, Хосе запропал куда-то и третий день не появлялся в мастерской. Озлившись, Диего решил обходиться без натурщика и писать лицо по памяти. Черты лица здесь не главное, важно выражение: спокойная мудрость Христа проповедующего, столь же спокойная покорность идущего на крест. Как сочетать мальчишество с отсветом божественного всеведения? Всеведение сродни обречённости, а это чувство не юношеское.

Но куда же подевался этот пако Хосе?

Раздосадованный Диего бросил кисть и палетку и отправился на Пляса дель Соль. Руиса там не оказалось, но Диего не пришлось даже расспрашивать, куда запропастились братья-натурщики. Вся площадь на разные лады обсуждала недавние события. Рассказывали, что юный Хосе, разжившись где-то деньгами, во-

образил себя крутым мачо и попытался отбить девушку у одного из своих товарищей. Имя сеньориты и её ухажёра называли по-разному, но сходились в одном: во время ссоры Хосе убил соперника. А когда за ним явились стражи порядка, Хосе тем же ножом вспорол живот алькальду Винсенте и бежал из города, намереваясь примкнуть к шайке бандитов. Банды он не нашёл, или те не приняли парня, во всяком случае, на второй день Хосе был схвачен, и на днях его непременно повесят.

Слишком уж скоро и точно сбылось предсказание плотника, и виноваты в том были несколько реалов, которые заплатил мальчишке Диего. Картину надо заканчивать, но не идти же в тюрьму с непросохшим полотном, просить, чтобы смертник согласился позировать художнику... Да и вряд ли удалось бы добиться от несостоявшегося разбойника нужного выражения лица, в котором Диего и без того помнил каждую чёрточку.

Сосредоточенное спокойствие — именно на нём пришлось остановиться. Спокойствие можно писать, не видя живого лица, а всё иное — от лукавого, ибо чувства господни также неисповедимы, как и его пути.

Картина, которая могла бы стать шедевром, но всё же, вызывала смутное недовольство, была закончена в тот самый день, когда на Пляса де Майор должны были повесить того, чей облик Диего придал молодому Христу.

Большие скопления народа, сильные чувства — для художника важно наблюдать подобные сцены, как бы жестоки они ни были. К тому же, теплилась в душе надежда, что, взглянув последний раз на лицо Хосе, он сумеет уловить тот штрих, которого не достаёт на картине. Иной скажет, что бесчеловечно искать вдохновение в смерти, но жизнь всегда беременна смертью, а он — не Мурильо и ангелочков не пишет.

После полудня Диего отправился на Пляса де Майор, где должна была состояться казнь. Там уже колыхалась немалая толпа, но художник сумел протиснуться в первый ряд. Одни узнавали его, на других попросту действовал богатый наряд и уверенные повадки живописца. Равенства нет даже у подножия эшафота.

Ждать пришлось долго. Народ волновался, солдаты в оцеплении скучали, лениво отпихивая тех, кто напирал слишком нахраписто. Наконец, раздались крики: «Везут! Везут!»

Стража быстро расчистила проход, повозка с осуждённым въехала на площадь. Возница шагал, ведя мула под уздцы, охранники двигались по сторонам. На повозке сидели только Хосе и священник, напутствующий преступника. Руки Хосе были связаны за спиной, на шее болталась дроковая верёвка, которую скоро должна была сменить настоящая петля. Священник громко читал молитвы, время от времени поднося распятие к лицу осуждённого. Хосе поспешно прикладывался к ногам Спасителя, которого так часто изображал, и вновь обводил безумным взглядом площадь, дома, лица людей, пришедших полюбоваться на его смерть.

Господин палач спустился с возвышения, помог связанному Хосе слезть с повозки и подняться на эшафот.

Томительно долгие и одновременно поспешные приготовления к казни. Преступник не знатен, потому и особой пышности нет, но всё, предписанное обычаем, должно быть исполнено. Снять дроковую верёвку, накинуть на голову осуждённого мешок...

— Нет! — закричал Хосе. — Уберите эту гадость! Я не хочу!

Толпа довольно загудела. Отказаться от мешка, умереть с открытым лицом — последнее право смертника, а для зрителей — дополнительное развлечение.

Сеньор палач отложил мешок и ловко набросил на шею Хосе петлю, свисавшую с перекладки.

— Прочь! — закричал Хосе. — Вы не смеете это делать! Потом, когда я стану тридцатилетним старикашкой, вешайте хоть сто раз, а сейчас не смейте!

Палач заботливо поправил петлю, чтобы она ровно охватывала шею, и узел прихотился не под ухом, а у затылка. Священник стоял рядом, придерживая Хосе за локоть, и что-то втолковывал ему, вздымая к небу распятие.

— Погодите, я должен сказать!.. — но палач уже спрыгнул с помоста и, резко дёрнув верёвку, вырвал подставку из-под ног мальчишки. Одновременно и священник, которому не раз приходилось участвовать в подобном действе, отпрыгнул в сторону, отпустив локоть Хосе. Повисшее тело изогнулось, ноги, согнувшись в коленях, ударили раз, другой и третий, словно висельник пытался подпрыгнуть, оттолкнувшись от воздуха. Руки, связанные за спиной, судорожно дёргались. Толпа редела.

— Веселей пляши! — орал кто-то.

На мгновение тело безвольно обвисло, на штанах расплылось мокрое пятно, на помост закапало, затем Хосе вновь беспорядочно задёргался, перебирая ногами, будто бежал куда-то.

— От петли не сбежишь! — радостно вопили в толпе.

Судороги становились реже, тело медленно вращалось на верёвке, демонстрируя всем почерневшее лицо, оскаленные зубы, широко раскрытые глаза, налитые кровью. Не было в этом лице ничего от смиренного страдания, ни намёка на икупительную жертву; одна только боль, уплывающая в бесчувствие смерти.

Народ ликовал.

Диего поспешно проталкивался к аркам, уводящим с площади. Уже под аркой зачем-то оглянулся. Тело Хосе мёртво висело под гладко, на совесть выструганной перекладной.

Диего почти бежал. Не этого он ждал, собираясь на площадь, хотя, чего можно было ждать?

В голове моталась мысль почти кошунственная: а Христос тоже обмочился в последнюю минуту на кресте?

Диего остановился, в раздражении топнул ногой, отгоняя непрошенное.

Хватит! Он сегодня же закончит картину. Спокойствие — самое многозначительное из всех чувств, вот оно и будет на лице юного Иисуса. А больше — ни одного мазка; покрыть картину лаком и передать заказчику.

Вот и дом, ступени, стёртые бесчисленными шагами, дверь, которую привык не замечать, мастерская, где знакома каждая мелочь, а на мольберте — картина, которой он не писал.

— Что за шутки? — вскричал Диего, бросаясь к полотну.

Всё на картине почти как прежде: полутьма под навесом, фигура добрейшего Иосифа, блестящая от пота спина мальчишки, но вместо отрешённо-спокойного лица видны только тщательно выписанные кудри, которыми так гордился покойный Хосе.

Диего уже потянул руку, ожидая почувствовать свежую краску, нанесённую недоброжелателем, пробравшимся в мастерскую, но в этот самый момент юноша медленно повернулся, и на Диего уставились залитые кровью глаза на почерневшем лице трупа.

— Хосе? — выдохнул Диего.

— Разве ты писал Хосе? — спросил висельник.

— Я писал Спасителя, а ты не можешь быть им. Ты слишком молод.

— Это недостаток, который проходит со временем. Вернее, мог бы пройти.

— Хосе наказан справедливо. Он убил двух человек. Если ты впрямь тот, за кого себя выдаёшь, ответь: «Разве ты учил убивать?»

— Мальчишка делал только то, чему учили вы. Он хотел пить вино, портить девчонок, резать глотки соперникам и считаться при том добрым католиком. Вспомни, что он крикнул в последнюю секунду:

«Когда я стану тридцатилетним старикашкой, вешайте меня сто раз подряд, а сейчас — не смейте!»

— К чему эти слова?

— К тому, что в той жизни я умудрился стать тридцатилетним старикашкой, а своих детей вы воспитываете так, что их приходится вешать в четырнадцать! Я создал мир, лучший из возможных, и подарил его вам. Я дал вам свободу — величайшее благо на свете. И как вы поступаете со своим миром и своей свободой?

— Ты всеведущий, и знал, что так будет!

— Как ты можешь об этом судить? Если бы я знал всё заранее, то ваша свобода не стоила бы истёртого песо. Это была бы не свобода, а обман. Свободу можно дать, только отказавшись от всеведения, а значит, от всемогущества. Чтобы вы могли быть людьми, я перестал быть богом. И какими же людьми вы стали?

На картине уже не было маски висельника. На Диего смотрело то самое лицо, которое он искал и не мог найти.

— Тогда приди и накажи нас, всех, кто злоупотребил твоей милостью.

— Вы уже наказаны. Второго пришествия не будет, и суд уже состоялся. Мне противно на вас смотреть. Я говорю с тобой, потому что ты единственный, кто сумел разглядеть бога в испорченном мальчишке. Хочешь — считай это карой, хочешь — наградой, но больше такого не будет никогда. Ты можешь изрезать полотно на куски, или переписать картину сотню раз, но не заставишь меня повернуться к вам лицом...

Говорить было не о чем. Диего молча стоял перед распахнутой картиной. Там, в полутьме мастерской, перекликаясь с цветом стружки, сияли золотые локоны, блестела от пота согнутая спина, и немолчно шоркал рубанок, до невысказанного совершенства выглаживая перекладину креста.

Оксана Дрябина
и Святослав Логинов

Фэнтезня против фэнтези, или Есть ли шанс выжить?

Для меня книги похожи на людей. Одни запоминаются как недолгий, случайный сосед по купе, с которым любопытно скоротать время под стук вагонных колёс. Впечатления от других — словно визит к плохому стоматологу, вызывают раздражение и желание побыстрее всё забыть. К каким-то после прочтения возвращаешься хотя бы раз в полгода. Это — старые друзья. Они всегда тебе рады и готовы к умной, интересной беседе. А есть ещё книги, встречи с которыми запоминаешь надолго. Мысли и ощущения, на которые они тебя натолкнули, врезаются в память на всю жизнь.

Таковыми для меня стали книги Святослава Логинова «Многорукий бог Далайна», «Свет в окошке» и многие, многие другие. Признаюсь, Святослава Владимировича интересно не только читать, но и слушать — он замечательно декламирует, великолепно поёт. Особое же удовольствие мне как филологу доставляют беседы на теоретико-литературные темы. У Святослава Владимировича неизменно есть собственный взгляд на многие явления, не всегда мне близкий, но неизменно — своеобразный.

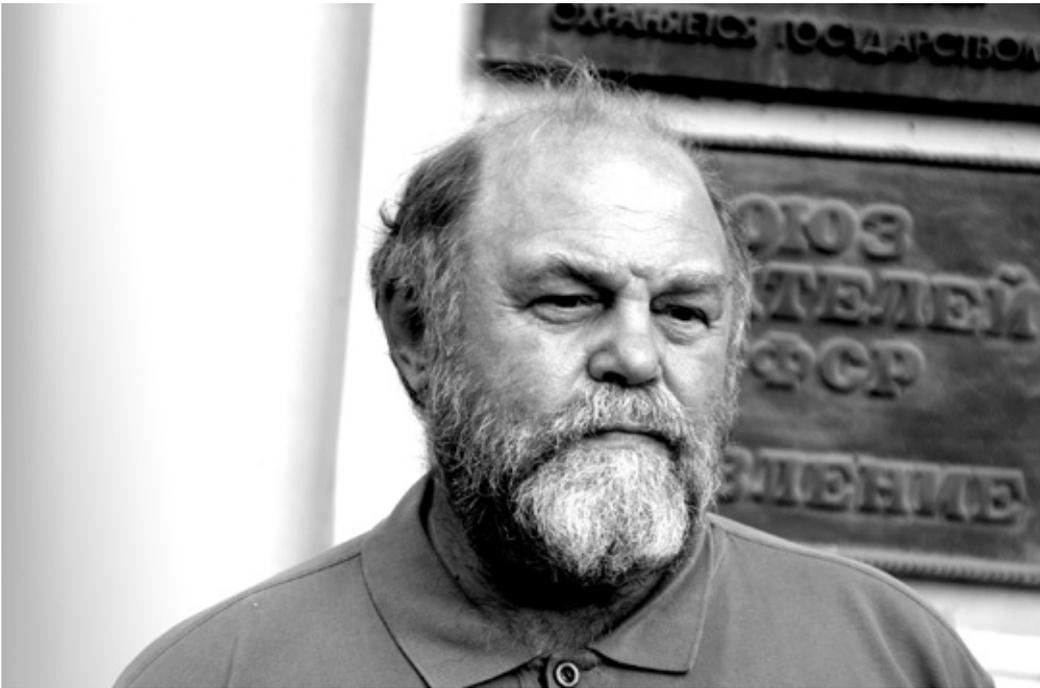
Основная тема нашей сегодняшней беседы — фэнтези. Она (оно? он?) давно уже заняла в нашей фантастике почётное место, догнав и перегнав по тиражам многие другие направления и ответвле-

ния. Однако до сих пор среди критиков идут споры. Они пытаются определить максимально точно её границы, выверить законы, действующие на территории этой обширной и населённой самой разнообразной фауной страны.

ОД: Что Вы понимаете под «фэнтези»? Есть ли точные признаки, которые помогают понять, что перед нами именно фэнтези?

СЛ: Если договариваться о терминах, то начинать надо с фантастики как таковой. Лучшее определение фантастики дано Стругацкими и звучит оно приблизительно так: фантастическим называется художественное произведение, в котором сюжетобразующим является приём введения странного, очень маловероятного или вовсе невозможного. При этом обычно забывают, что определение это даётся для читателей с современной ментальностью. Для человека с мифологическим мышлением нет ничего невозможного и даже странного. Древние греки верили и в кентавров, и в циклопов, и в великое множество богов, которые непрерывно вмешивались в человеческие дела. Соответственно, какие бы чудеса ни живописал Гомер, фантастикой это не будет. Основы современного научного мышления заложены Френсисом Бэконом в его сочинении «Новый органон» в 1620 году. Замечательно, что первое научно-фантастическое произведение «Новая Атлантида» принадлежит также перу Бэкона, оно вышло в 1624 году, то есть фантастика и тогда отставала от жизни. Могут, правда, вспомнить «Утопию» Томаса Мора или некоторые другие сочинения, написанные ранее 1620 года и традиционно относящиеся к фантастике. Но если вдуматься, то

Оксана Дрябина родилась в 1976 году. Журналист, критик, литературовед. Член Совета по фантастической и приключенческой литературе и Союза писателей России, Секретарь международной Ассоциации исследователей фантастики. Живёт в Москве.

ничего специфически-фантастического в «Утопии» нет. Неоткрытых земель в ту пору было полно, и социальное устройство у живущих там народов было самым разным. Так что я отношу появление научной фантастики к 1624 году.

Что касается фэнтези, то оно возникло как реакция на научно-естественное мировоззрение, становившееся всё более популярным. Соответственно фэнтези куда моложе фантастики научной. Конечно, некоторые относят к фэнтези Библию и мифы различных народов, но такой подход кажется мне в высшей степени некорректным. Точно также не стоит относить к фэнтези многочисленные рыцарские романы средневековой Европы. Антураж в них для того времени самый современный, а что касается великанов и драконов, то читатель искренне верил в их существование. Правда, и в наше время есть люди, истово верующие в эльфов и магические школы, но это уже пограничные состояния психики, а не литературы.

Что касается признаков, помогающих понять, что перед нами фэнтези, то этот признак один. Попробуем определить его на простом примере. Вот перед нами две

повести Николая Васильевича Гоголя — «Нос» и «Вий». События обеих повестей абсолютно невозможны, однако, никому не придёт в голову называть повесть «Нос» фэнтезийной. Фантастика — да, но не фэнтези! А вот «Вия» любители фэнтези охотно запишут по своему ведомству. Дело в том, что события с носом майора Ковалёва происходят в реальном, материалистическом мире. Все, и персонажи повести, и читатели, и сам автор удивлены, шокированы и даже возмущены происходящим. Гоголь называет произошедшее делом несбыточным и ни с чем не сообразным. Фантастика вторгается в реальную жизнь и производит в ней возмущение. Совсем иное дело повесть «Вий». Появление ведьмы и ожившие мертвецы — дело неприятное, но вполне ожидаемое: «Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы». Повесть «Вий» при всём правдоподобии деталей, происходит в фантастическом, нереальном мире. Призвав на помощь терминологию минувших лет, можно сказать, что разница здесь в решении основного вопроса философии. Если действие фантастической повести происходит в мире, где первична

материя, то повесть будет научно-фантастической, сколь бы ненаучным ни было фантастическое допущение. Если же действие происходит в мире объективного идеализма, то перед нами фэнтези, даже если явных чудес мы не видим.

Разумеется, классификация эта, как и всякая другая, страдает неполнотой. Непременно найдутся произведения, которые будет нельзя классифицировать, причём это будут книги неординарные. Пример — «Мастер и Маргарита», которую одинаково сложно отнести как к фэнтези, так и просто к фантастике.

ОД: Что Вы сами больше всего цените в фэнтези как писатель, есть ли такая творческая задача, которая легко решается в фэнтези, а в НФ — сложнее?

СЛ: Фэнтези — это, прежде всего, красота, удивление, создание нового и необычного. К несчастью, большинство авторов в соответствии с законом Старджона, идут проторёнными дорожками и в результате вместо фэнтези пишут фэнтезию. Эльфы, драконы, магические академии, прочий антураж, созданный другими и давно поблекший, ныне стал признаком не фэнтези, а фэнтезии. Точно также в НФ — бластеры, звездолёты и прочий антураж давно уже никому не интересен и, если оказывается самоцелью, то характеризует ремесленную поделку, а не литературу.

ОД: В основе предложенной Вами классификации — различные мировоззрения, которые создают диаметрально противоположные картины мира — рациональную и иррациональную. Придерживаться одновременно обеих просто невозможно. Но в Вашей литературной практике есть, на мой взгляд, очень удачный опыт совмещения в одном произведении двух типов сознания — научного и иррационального: «Имперские ведьмы». С какими сложностями в отношении этой разницы столкнулись при написании?

СЛ: Это было очень трудно. Внутренний цензор вопил и кусался, приходилось

непрерывно бороться с самим собой. А вот современная молодёжь, из тех, кто делает литературу, а не фэнтезию, не видит в таком подходе никакой трудности. Ребята пошли дальше меня, мне остаётся завидовать и радоваться за них.

ОД: Если посмотреть на типичный книжный прилавок отдела фантастики в книжном магазине или виртуальной библиотеки, сейчас явный перевес окажется на стороне фэнтезистов. Значит ли это, что людей с иррациональным мировоззрением сейчас больше, чем материалистов? Почему сейчас произведений фэнтези больше, чем НФ?

СЛ: Помните, у Ильфа: «Думали, будет электричество, будет и счастье. И вот, электричество есть, а счастья нет». В 1960-е годы от науки ждали решения всех проблем. Оказалось, что человеческие проблемы могут решать только люди. Вещь, кажется, самоочевидная, однако, в умах наступило разочарование в возможностях науки и, соответственно, упал интерес к НФ.

ОД: В Вашей собственной биографии можно найти, в какой-то степени, подобные сочетания таких несочетаемых, казалось бы, понятий — с одной стороны — химик, человек не просто строго научно, рационально смотрящий на мир, но точно знающий его на уровне процессов, происходящих с материей. С другой — Вы строите удивительные, философские, притчевые миры «Многорукый бог далайна», «Свет в окошке». Как это в Вас сочетается? Чего больше?

СЛ: Представления не имею, чего больше. И как это сочетается — не знаю. Не дело автору анализировать самого себя. Пускай, если интересно, этим занимаются литературоведы. Моё дело писать, стараясь идти вперёд, а не кружить по истоптанной площадке. И уж тем более, не вывиряться в себе самом.

ОД: Узнать Ваше представление о фэнтези было особенно интересно в связи с тем, что иногда Вас в публикаци-

Святослав Логинов и Оксана Дрябина во время работы над интервью

ях называют «отцом русской фэнтези». Как Вы к этому относитесь и как в целом оцениваете современное состояние «литературной дочери»?

СЛ: К своему «отцовству» отношусь с юмором, а современное состояние оцениваю с некоторым скепсисом. Фэнтези стало очень популярным направлением, а всякая мода непременно притягивает прорву мусора. Так было всегда, и в обозримом будущем так и будет. Остаётся вздохнуть и смириться. И конечно, самому писать так, чтобы твои произведения мусором не были. Потом, когда мутная волна схлынет, она унесёт с собой и мусор, а настоящее — останется.

ОД: Много ли, на Ваш взгляд, такого мусора в фэнтези сегодня?

СЛ: Произведение, формально относящееся к фэнтези, но не исполняющее его главную функцию — удивлять, я называю фэнтезийной. Чуть-чуть фэнтезийного антуража, порой и вовсе позаимствованного у классиков и основоположников, размазывается на толстенный роман, так что под конец становится неясно, что мы читаем. Из этих двух слов: фэнтези и размазня

и родился термин фэнтезия. Соотношение фэнтези к настоящему фэнтези, как всегда, 9:1. Но даже среди 10% книг, относящихся к литературе, лишь единицы могут считаться полноценным фэнтези. Невозможно удивляться пятьсот страниц подряд. В результате мы имеем бытовую, приключенческий, любовный даже этнографический роман с небольшой фэнтезийной добавкой. Можно ли это называть романом-фэнтези? Сомневаюсь. Причём, сейчас речь идёт о хороших книгах. А если фэнтези в толстом романе или, тем паче, сериале — самоцель, то тут мы и получаем фэнтезию.

Настоящее фэнтези не просто способно, оно обязано создавать новые сущности, а значит, способно на всё. Фэнтезия, будучи разновидностью поп-арта, ходит проторёнными дорожками и может лишь перепевать созданное некогда основоположниками.

ОД: Позволю себе не согласиться в отношении сериалов. Например, циклы романов, на мой взгляд, могут вполне отвечать высоким литературным запросам. Не будем обращаться к классикам, которые тоже писали многотом-

ные романы-фэнтези, упомянем нашего современника — Анджея Сапковского...

СЛ: Сапковский может написать лучше или хуже, но он пишет сам по себе, никому не подражая. А если стараться написать как Сапковский, то непременно напишешь хуже Сапковского и вылетишь куда-то на обочину. Если уж ставить перед собой образец, то пусть это будет Гоголь или Рабле. «Замахивайся на большое», — как сказал некогда Роман Подольный.

ОД: Фантастика в целом, и фэнтези в частности, объединяет вокруг себя довольно много разных социальных явлений: клубы любителей литературы, конвенты, специализированная пресса — журнал «Космопорт» в том числе. Одной из самых активных групп читателей остаются ролевики — читатели, которым недостаточно лишь воспринимать прочитанное, но интересно воссоздать, реконструировать художественный мир наяву. Среди них больше поклонников фэнтези, нежели НФ. Об этом существуют различные мнения — от восторженных, до резко негативных. Порой настороженно к этому относятся, например, родители молодых людей. Как постоянный участник конвентов такого рода, как писатель и одновременно как папа и дедушка, расскажите об этом подробнее. Если ли основания опасаться взрослым и родственникам?

СЛ: Основания опасаться за детей и внуков есть всегда. Но в среде ролевиков опасность для неокрепших душ — минимальна. Ролевики — люди увлечённые, а такие не станут причинять вред неофитам. Гораздо больше вероятность нарваться на неприятности на дискотеке, в уличной компании да и вообще, где угодно. Часто говорят, что ролевое движение с его любовью к фэнтези — это форма эскапизма, отвлекающая молодых людей от проблем реальной жизни. На это можно ответить одно: формой эскапизма может стать что угодно, но среди игровиков на редкость большой процент людей состоявшихся,

тех, кто и в реальной жизни добился немалых успехов.

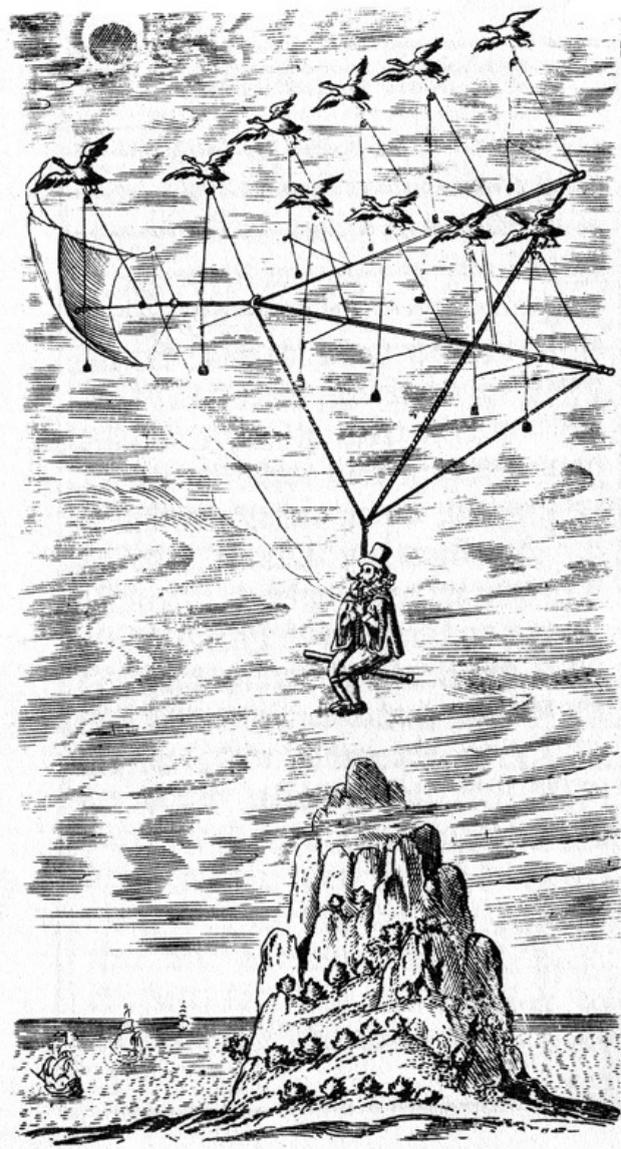
ОД: На конвентах и вне их Вы много работаете с молодыми авторами, ведёте мастер-классы. Какие советы даёте авторам наиболее часто? Есть ли такие общие рекомендации?

СЛ: Прежде всего, автор должен решить для себя, что он хочет: написать настоящую книгу или добиться финансового успеха. А далее, поступать в соответствии с принятым решением. Выбравшие второй путь должны писать много, выбирать модные, беспроигрышные сюжеты, непрерывно напоминать о себе и читателям, и критике. В результате у них будут большие тиражи и жирные гонорары. Правда, и забудут их книги ещё при жизни автора. Писатель, идущий по первому пути, должен искать свою тему, но и в рамках найденного не повторяться, а главное — мучительно работать над словом, осваивая весь инструментарий классики и добавляя к нему своё. И никто при этом не может гарантировать ему успеха.

А уж примеры того, как скрупулезно можно работать со словом, насколько важно при этом владение инструментариумом классиков и как можно найти собственный способ — ищите в произведениях Святослава Логинова. Особенно если для Вас, как и для меня, люди — как книги...

Фото Сергея Калугина и Виталия Пищенко

Педро Камачо 400 лет первому полёту на Луну

Хотя правильнее было бы сказать, что не собственно полёту, а лишь его первому научно-мотивированному описанию. Но даже и в этом случае следует признать,

что в названии присутствует ещё одна натяжка, ибо никто точно не знает, в каком именно году почтенный Фрэнсис Годвин написал свою замечательную книгу «Человек на Луне, или Необыкновенное путешествие, совершённое Домиником Гонсалесом, испанским искателем приключений, или Воздушный посол». В тексте вышеозначенной книги сказано, что это путешествие происходило в период с 1599 по 1602 год, книга вышла в 1638-м, сам Годвин умер в 1633-м... Так что ничего не мешает утверждать, что интересное всех нас событие было описано ровно 400 лет тому назад, то есть в январе 1614-го года.

Теперь приступим к самому событию. Первое впечатление, что всё это очень несерьёзно. Ещё бы! Солидный господин сидит на жёрдочке и его несут по небу десять запряжённых непонятно во что голубей. И так он собирается долететь до Луны? Кого он думал этим убедить?!

Но перед нами, оказывается, вовсе не инженерный чертёж, а художественный фронтиспис первого издания книги, а в самом тексте сказано, что это вовсе не художочные голуби, а дикие лебеди — крупные сильные птицы, и их в упряжке не десять, а двадцать четыре. Гм! Тут сразу начинаешь невольно прикидывать. Господин весом килограмм примерно в 60, тогда ведь люди были мельче по комплекции, делим это на заданное число лебедей, то есть всем груза поровну, и получаем:

$$60 : 24 = 2,5 \text{ кг.}$$

Ну, может быть, думаем мы, нагрузка допустимая, особенно если учесть, что путешественник, как было сказано, их долго дрессировал и при этом кормил мясом. И тут же наш услужливый ум напоминает, что лебеди могут летать на очень большой

Педро Камачо родился в 1968 году в самолёте, летевшем из Боливии в Египет. Журналист и астроорнитолог. Живёт и работает в Минске, Беларусь.

высоте, их зарегистрированный в книге Гиннеса рекорд равен 8200 метрам. Также не боятся лебеди и морозов, лебяжьих пуховики — всеми известный бренд. То есть, рассуждаем мы дальше, теоретически можно было, как и описано в книге, набрать стаю лебедей подросткового возраста и в дальнейшем (а лебеди живут долго) выдрессировать их так, чтобы они, двигаясь в одном направлении, развивали достаточно большую подъёмную тягу и поднимали одного человека на высоту до 8 — 9 километров.

И что дальше? На что надеялся этот безумец, предусмотрительно выбранный Годвином из тогдашних злейших англичанам недругов — испанцев? Неужели он верил в то, что лебеди помчат его и дальше, в космос, а там и до Луны? Да и кто б из читателей в это поверил?

Но ведь наш отважный путешественник, согласно книге, на Луну и не собирался. Да, он вначале сконструировал, а затем и создал действующий образец самолётной коляски типа велосипедоплана на лебединой, скажем так, тяге и собирался использовать её в транспортных целях на малой высоте на небольшие расстояния. Но случилось так, что однажды, при весьма и весьма форс-мажорных обстоятельствах, лебеди понесли!..

И за несколько часов занесли нашего героя в ионосферу. Ну что ж, ситуация вполне реальная, так как лебеди могут развивать скорость до 80 км в час, высота в 8-9 км, как мы уже говорили, для них не предел, и мы должны признать, что всё, описываемое в книге, пока что вполне укладывается в рамки реально допустимого. А вот как быть дальше? Лебеди, как всем известно, в космосе летать не смогут!

Но там, как утверждает автор, нет никакого космоса. В воздухе тихо, нет ни малейшего дуновения ветра, и нет ни дня, ни ночи, а царят постоянные сумерки. Про сумерки автор упоминает потому, что лебеди, в отличие от гусей, летать в темноте не умеют.

Да им и не нужно было лететь, тут же прибавляет автор, лебеди уже не машут крыльями, а парят, как орлы. И во время парения спят. Это автор упреждает наш вопрос о том, как лебеди будут восстанавливать свои силы. И тут же добавляет, что и сам путешественник, к своему удивлению, за весь полёт ничуть не проголодался и совсем не хотел спать. Автор продумал все детали, предугадал любой наш вопрос. И мы соглашаемся: да, при таких условиях и путешественник, и его птицы ни в чем не испытывали нужды.

— Ну, а как сам полёт к Луне? — злоратно спрашиваем мы. — Он что, тоже прекратился?

— Нет, зачем же, — отвечает автор. — Путешественника подхватила неведомая сила и повлекла к Луне. И эта сила — сила притяжения.

Вот так! За семьдесят три года до того, как Ньютон откроет закон всемирного тяготения. А сеньор Гонсалес им уже воспользовался. И ещё как! По словам автора, самолётная повозка бесшабашного испанца неслась со скоростью никак не меньше 50 льё в час! То есть за 200 км!

— И так продолжалось, — прибавляет автор, — 12 суток подряд.

— Как, — удивляемся, — 12 суток? Ведь же было сказано, что там нет ни дня, ни ночи, всё время сумерки! Как же ваш герой вёл счёт времени?

— Очень просто, — отвечает автор. — Земной шар издали очень напоминает глобус, и вот, наблюдая за вращением этого гигантского глобуса, и можно вести счёт прошедшим дням.

Крыть, что называется, нечем, поэтому просто умножаем 200 км в час на 24, а затем на 12 и получаем минимальное, по словам Годвина, расстояние от Земли до Луны. Это составляет 57 600 км. На самом деле это 384 000, но всё равно надо признать, что Годвин представлял примерные масштабы путешествия и, тем не менее, не тушевался, отправляя в небо слабосильную лебединую упряжку. Ведь,

по расчётам Годвина, лебеди нужны были только на первоначальном этапе полёта, для выведения самолётной коляски на околоземную орбиту, а всё остальное, то есть основную часть пути, коляска должна была преодолеть за счёт силы лунного притяжения. Также, по правилам, оговоренным Годвином, в силу того, что воздух на очень больших высотах необыкновенно чист, человеку для поддержания нормальной жизнедеятельности достаточно лишь глубоко дышать, а лебеди, которые ещё пригодятся для выполнения посадочных манёвров при прилунении, кормились пролетавшими мимо мошками и мелким пташками, которых они предварительно разрывали на клочья...

— Да что вы такое утверждаете, милейший! — восклицаем мы, не выдержав. — Где вы видели таких ужасных лебедей?!

— На острове святой Елены, — отвечает автор, — на самой вершине тамошней высочайшей горы, где круглый год лежит снег. Тамошние лебеди очень необычны на вид. Начнём с того, что одна нога у них, правая, точно такая же, как и у обычного лебеда, а вот зато на второй ноге, левой, у них когти, подобные орлиным, и вот как раз этими когтями они и разрывают доставшуюся им добычу. А ещё эти удивительные птицы...

И автор продолжает перечислять диковины, которым, как раньше выражались, несть сила. А мы, слушая достопочтенного Годвина понимаем, что у него на всё есть готовый ответ, и все эти ответы звучали вполне логично в системе мировоззрения

17-го века. Да и сейчас, если согласиться с заданными Годвином параметрами, с ним не очень-то поспоришь. То есть это только на первый взгляд кажется, что смешной господин в старинном испанском костюме сидит на не менее смешном насесте и правит смешными облезлыми птицами. А на самом деле, чтобы не было смешно, давайте представим, с какими снисходительными улыбками наши потомки будут через 400 лет знакомиться с нашими представлениями о тех же межпланетных перелётах.

ISSN 2308-894X

9 772308 894001

00113